

18+

Михаил Маришин

Дизель решает всё

Реинкарнация Победы — 1.



Михаил Маришин

**Дизель решает всё.
Реинкарнация Победы – 1**

«Издательские решения»

Маришин М.

Дизель решает всё. Реинкарнация Победы – 1 / М. Маришин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516751-4

Семён Любимов, человек 21-го века, парой безответственных слов о прошлом, сказанных не в том месте и не в то время, умудряется изменить это прошлое так, что СССР уничтожен, а гитлеровская Германия оказалась победителем в войне. Зато у героя появляется шанс самому отправиться во времена товарища Сталина и попытаться вернуть историю в «эталонное» русло. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-516751-4

© Маришин М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Звоночек	6
Глава 2	19
Глава 3	25
Вологда	25
Глава 4	31
Поезд Архангельск – Москва	31
— — Глава 5	40
Москва. ГАЗ №1. Нагатино	40
— — —	47
— — Глава 7	50
Ударный и романтический винтовочный облом	50 51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дизель решает всё Реинкарнация Победы – 1

Михаил Маришин

© Михаил Маришин, 2020

ISBN 978-5-0051-6751-4 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-6750-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выпуск произведения без разрешения автора

считается противоправным и преследуется по закону

Маришин М.

Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем... Мог ли наш современник Семен Любимов подумать, что эти слова станут для него актуальны? Став из-за абсолютно невероятной случайности виновником разрушения собственной реальности, герой видит катастрофические для него последствия его вмешательства – СССР, лишившись одного из главных факторов Победы, разрушен сокрушительным ударом гитлеровского Рейха. План Ост доведён до своего логического завершения и к началу двадцать первого века коренного населения на территории Европейской России практически не осталось.

Осознав произошедшее, Семен отправляется в прошлое, в точку изменения реальности, и вступает в борьбу за то, чтобы вернуть историю в изначальное русло. На дворе СССР конца двадцатых годов, индустриализация и коллективизация стоят первыми пунктами в повестке дня. Сумеет ли герой, начав с самого малого, обрести достаточное влияние на окружающую действительность и достичь своей цели? Ведь любые его действия, с какими бы благими намерениями он их не совершал, могут иметь самые непредсказуемые последствия.

Дизель решает всё

Глава 1

Звоночек

Эпизод 1

Не думай о секундах свысока.

Наступит время, сам поймёшь, наверное, —

Свистят они, как пули у виска,

Мгновения, мгновения, мгновения...

Сталин слушал незнакомую песню, которая раздалась из трубки аппарата настолько неожиданно, что он даже не убрал руку с вертушки. Песня завораживала.

Мгновения спрессованы в года,

Мгновения спрессованы в столетия,

И я не понимаю иногда,

Где первое мгновенье, где последнее.

Её спокойный мотив так отличался от революционных песен, между тем слова заставляли задуматься. Перед глазами как бы сами собой вставали мама, Гори, друзья детства, семинария.

У каждого мгновенья свой резон,

Свои колокола, своя отметина.

Мгновенья раздают – кому позор,

Кому бесславье, а кому бессмертие.

Первомайская демонстрация в Тифлисе, Туруханск, первый номер «Правды», Ленин, революция, товарищи по партии.

Из крохотных мгновений соткан дождь —

Течёт с небес вода обыкновенная.

И ты порой почти полжизни ждёшь,

Когда оно придёт, твоё мгновение.

Гражданская, Царицын, Пермь, Западный и Южный фронты, восьмой съезд, пленум 1922 года, борьба с оппозицией, XVI партконференция.

Придёт оно, большое, как глоток,

Глоток воды во время зноя летнего...

А в общем, надо просто помнить долг
От первого мгновенья до последнего.

Да, хорошая песня! И заканчивается правильно.

– Слушаю, – хриплый голос ворвался в трубку внезапно, оборвав песню на полуноте.

Слегка ошарашенный, расчувствовавшийся Сталин ответил, даже забыв поздороваться.

– Товарищ Ворошилов, какая песня душевная! Первый раз услышал, а так пробрало!
Кто автор?

– — Музыка Таривердиева, слова Рождественского. Впервые сталкиваюсь с человеком, говорящим по-русски, ни разу не смотревшим фильм «Семнадцать мгновений весны». Кстати, я не Ворошилов.

Очарование слетело в момент, по спине прошёл холодок близкой опасности.

– Кто вы такой? – голос в трубке был, действительно, незнаком.

– Штандартенфюрер Штирлиц, ёшкин кот! Вообще-то, вежливые люди, раз уж решили поговорить, сначала сами представляются.

– С вами говорит товарищ Сталин, секретарь ЦК ВКП (б)! – отчеканил вождь предельно официальным тоном. – Что вы делаете в кабинете товарища Ворошилова?!

– С чего вы взяли, что я в кабинете Ворошилова? Который, кстати, давно уже на том свете. Вам что, в вашем дурдоме этого не объявили? Так спросите Левитана в соседней палате, он вам озвучит.

– Как на том свете?! Ты убил Клима, сволочь?! Я немедленно звоню в ОГПУ! Тебя найдут, недобиток!!! Ответишь по всей строгости социалистического закона!

– Ага, кровавого палача Берию на меня натрави! Аривидерчи! – в трубке раздались короткие гудки.

Вождь ударил по рычагу и начал уже набирать номер Менжинского, как раздался звонок соседнего телефона.

– Сталин у аппарата.

– Товарищ Сталин, – прозвучал ровный голос Поскрёбышева, – к вам прибыл товарищ Ворошилов с докладом по ситуации в районе КВЖД.

– Пусть войдет, – облегчённо сказал Иосиф Виссарионович и сел на стул.

– Здравствуй, Клим. Представляешь, только что звонил тебе и какая-то гадина в твоём кабинете сказала, что тебя нет в живых, – возмущенно произнёс отец народов, – слава Богу, это была брехня.

– Как в моем кабинете?! Коба, что ты такое говоришь?! Надо немедленно шутника найти!!!

– Ну так распорядись, раздолбай! Враги по вашему наркомату шастают как у себя дома! – Ворошилов выскочил в приёмную как ошпаренный.

– Товарищ Поскрёбышев, – обратился вышедший вслед за наркомвоенмором хозяин, – подготовьте мне, пожалуйста, справку по композитору Таривердиеву, поэту Рождественскому и кинофильму «Семнадцать мгновений весны».

Эпизод 2

– Вот времена, даже в дурдоме порядка нет! Психам телефоны на руки выдают! – проворчал я для порядка и спрятал старенький мобильник обратно в рюкзак. На что тот обиженно пискнул в ответ, извещая о разряженной батарее. И то верно, пятый день уже к концу как с базы вышел, возвращаться пора. Не беда – за день дойду.

Огляделся вокруг и решил, что лучшего места, чем рядом с огромным валуном, невесть как оказавшимся среди леса, не найти. Да и смеркается уже, а тут место высокое, сухое и ручеек недалече. Надо только обойти камень для порядка и расположиться с южной, подветренной стороны.

За заботами по устройству ночлега времени задуматься о постороннем практически нет. И только когда я уже сидел под навесом у небольшого костерка, на котором стоял котелок с почти уже готовой кашей на ужин для меня и четвероногого напарника, мысль, царапавшая мозг, но как-то мягко, издали, оформилась окончательно и ударила по голове со всей своей неприкрытой абсурдностью.

Какой, к лешему, телефонный звонок? Мне за три недели никто не разу не позвонил, специально в дебри забрался, чтоб никто не достал! До ближайшего населённого пункта полсотни километров по прямой!

Это что же выходит, галлюцинация? Одичал и по человеческому обществу соскучился? Общения не хватает? Да что тут думать – достал мобильник и посмотрел. М-да, последний вызов сегодня 18.07, номер не определён. Сети нет. Для очистки совести попробовал позвонить домой – облом. На этом эксперименты со связью и закончились, мобильник жалобно пискнул последний раз и экран погас.

– Вот так-то, друг ситный, – сказал внимательно следившему за моими манипуляциями Одину, – пора домой, из лесных дебрей в каменные джунгли.

– Ув! – коротко ответил пёс, выражая своё несогласие. Оно и понятно, ему здесь раздолье.

– Ладно, не расстраивайся, – попытался утешить напарника и, чтобы не быть голословным, отдал ему подстреленного намеренно глухаря.

После ужина, завернувшись в спальник и положив под руку «Сайгу», глубокомысленно изрек:

– Утро вечера мудренее, – и провалился в глубокий, спокойный, как всегда без сновидений, сон. Один и посторожит и ко времени разбудит.

Эпизод 3

Проснулся рано утром от вежливого тыканья холодным носом в лицо. В просветы между еловыми лапами заглядывали набухшие дождём свинцовые облака, гася солнечный свет и создавая в лесу серые сумерки.

– Привет, Один! Доброе утро, малыш! – сонно проворчал я и попытался вновь закрыть глаза, за что был тут же прикушен за кончик носа. – Ну все! Все! Встаю, изверг, поспать не дашь!

Поёживаясь от утренней сырости, запалил потухший костерок и спустился к ручью умыться. Из чёрной глубины облюбованного мной омутка выглянула звероподобная физиономия, более уместная в веке пятнадцатом – чернющая борода резко контрастировала с рыжими усами, отросшие волосы всклокочены. Прямо как не русский человек. Леший, да и только! Ладно вот доберусь до машины на базе, там и побреюсь, вернусь в лоно цивилизации в привычном виде русоволосого, кареглазого молодца.

– А может, ну его! Остаться бы здесь, среди этой тишины, где прозрачный, густой воздух зримо обтекает влажные стволы и нет бензинового чада. Где под ногами стелется разноцветный ковёр, где бурый от хвои, где багряно-желтый, а где и ещё зелёный, по которому идёшь совершенно бесшумно, ибо даже сухие ветки утопают в нем под ногами, и если ломаются, то глухо, теряя голос в толще мха и опада. Ведь столько мечтал вырваться сюда, в осенний северный лес хотя бы на недельку, а тут неожиданно целый месяц выпал, но пролетел будто один день.

Ну хватит! Разнылся, как маленький! Я решительно прервал созерцание самого себя и, раздевшись по пояс, размялся, изображая зарядку, энергично растёр себя обжигающе ледяной водой. Вот так-то лучше! Теперь чего-нибудь горячего проглотить и в путь.

Быстренько выпив кружку сладкого чая и покормив пса, свернул своё хозяйство и скорым шагом двинулся к намеченной цели. Переход предстоял немаленький, да и воспоминания о вчерашнем звонке вызвали смутное беспокойство. Шёл и прикидывал так и этак, но разумного объяснения произошедшему не находил, про себя решил, что никому никогда рассказывать об этом не буду, однако эта здравая мысль меня отнюдь не успокоила. Поэтому я за весь день сделал всего пару коротких привалов и упрямо продвигался к своей цели под зарядившим с утра холодным дождём.

Ориентироваться в лесу для меня особого труда никогда не составляло, за всю жизнь ни разу не помню, чтобы я заблудился. Просто интуитивно выбирал дорогу мимо хороших местных ориентиров – ручейков, оврагов, приметных горушек. Поэтому никакими техническими средствами никогда не пользовался, так, компас таскал с собой на всякий случай и все. Карта же – дело святое.

Но тут, уже ближе к вечеру, я впервые в жизни стал в себе сомневаться. Лес был не тот! Нет, речки-ручьи никуда не делись, но сам лес в целом неуловимо изменился. Стал каким-то подчищенным, что ли, бурелома и гнилых стволов попадалось все меньше и меньше, пока они не исчезли совсем.

– И уж совсем меня изумила дорога. Дело в том, что место это мне посоветовал друг-зенитчик. Заброшенный городок дивизиона «двухсоток» располагался вдали от цивилизации и практически никем за последние пятнадцать лет не посещался. Мой товарищ, бывший здесь

до меня, даже нашёл приказы, которые он подписывал аж в 1985 году. Люди, когда это место покидали, конечно, утащили с собой все что можно, но самих строений это никак не коснулось. Чем я и воспользовался, загнав машину в пустой бокс. Дополнительным бонусом была дорога, которую, конечно, последние четверть века никто не ремонтировал, однако по ней и не ездил почти никто, для паркетника терпимо.

– И вот эта самая дорога предстала в совершенно новом обличье двухполоски с идеальным асфальтовым покрытием. Вышел я на неё, попробовал на крепость каблуком, убедился, что не глюк, и скрылся обратно в лес. Уж больно некомфортно я себя на открытом пространстве почувствовал, когда такие непонятки творятся. Ну не могли же за пять дней новый асфальт положить в медвежий угол, в самом деле! Тогда откуда дровишки?

В общем, решил я воспользоваться тем, что дорога в этом месте делает крюк, обходя овраг, и срезать пару километров до базы напрямик лесом. За что потом не раз себя похвалил, может и с перебором, но, видимо, какая-то чуйка все же есть.

Эпизод 4

– Один, ты что-нибудь понимаешь? – спросил я напарника, выйдя из леса и перевесив «сайгу» за спину, тупо глядя на уже освещённые электрическим светом к наступающему вечеру незнакомые постройки. – Стоит на недельку хабар без присмотра в безлюдном месте оставить, как понаедут, понастроят, ищи теперь наше добро! Пойдём по душам поговорим. – возмущенно сказал я. Пёс же хранил характерное для лаек гордое молчание.

Однако напрямик пройти не получилось, не успел я продвинуться вверх по склону, к бывшей стартовой позиции, а теперь вообще непонятно к чему, и на полсотни шагов, как наткнулся на колья с натянутой на них колючкой. Ещё выше, тоже шагах в пятидесяти, виднелся второй ряд кольев и колючка на них, как пить дать, была. Я озадаченно стоял и вертел по сторонам головой, думая, в какую сторону обойти препятствие, и уже почти двинулся в сторону дороги, здраво рассудив, что там должен быть проезд, как в разом загустевшем, ледяном воздухе, резко, словно предупредительный выстрел, ударило.

– HALT!!!

Тело, не обращая внимания на затупивший мозг, бросилось на землю ещё до того, как погас последний звук короткой команды. И поступило совершенно правильно, потому что спустя мгновение раздалась короткая очередь и пули прошли воздух прямо надо мной, на уровне груди стоящего человека. Один метнулся в сторону и исчез.

«Мамочки родные, что же это делается! Мало того, что лаются не по-русски, так ещё пуляют почём зря! – думал я, сбрасывая тощий рюкзак с левого плеча, „сайгу“ с правого и перехватывая их в руки. – Надо ноги делать, пока ими располагаю, до милиции, даст бог, доберусь, там и выясню, что за звери здесь завелись».

Все это в голове проносилось на заднем плане, сам же я интенсивно работал локтями и коленями, извиваясь в мельчайших низинках и пользуясь любой тенью, живенько продвигался к опушке, благо под горку. Вслед ещё прошла пара очередей, но наугад, стрелок меня явно не видел.

Добравшись до опушки и скрывшись в кустах, упёрся взглядом в, как мне показалось, в иронично улыбающуюся морду Одина.

– Чего ржёшь? Видал? Помнишь как я зайцев да вальдшнепов стрелял? Вот мы с тобой для этого козла вроде зайца и есть, так что не попадайся.

Вдали глухо заурчал двигатель, и я, выбрав местечко поудобнее и хорошо укрытое командовав Одину для порядка «лежать!», что, впрочем, было излишне, так как напарник уже устроился рядом со мной, приготовился смотреть, что будет дальше. Занял место в партере, так сказать, а вместо театрального бинокля у меня БКФЦ с пятикратным увеличением.

Эпизод 5

Приблизительно через пять минут за вторым рядом проволоки остановился джип, в котором я с удивлением опознал «Геленваген», только видок у него был насквозь утилитарный, совершенно не похожий на тот, к которому я привык. Да, вдобавок, ещё камуфлированная раскраска, а не благородный чёрный цвет элитных иномарок.

Из машины высыпали шесть солдат, включая водителя, и сгрудившись в свете фар, принялись голосить не по-нашенски. На вопли вылез мой стрелок-неудачник, подошёл к группе и что-то сказал в ответ, махая рукой в мою сторону. Так, интересно, часовой получил от разводящего подзатыльник, от чего его каска съехала на нос, и заверещал пуще прежнего, аж на месте подпрыгивает. Командир что-то коротко ответил и дал команду притихшей группе, после чего все прибывшие не торопясь сели обратно в «Гелик», развернулись и укатили в сторону дороги. Часовой же подошёл к колючке и уставился на лес.

Пока продолжалась эта беседа, я подробно рассмотрел действующие лица и, надо сказать, увиденное меня совсем не вдохновило. Прежде всего, бросились в глаза каски, такой фасон я последний раз в фильмах про войну видел, натуральный немецкий Stahlhelm. Вся семёрка была одета в броники, а вот разгрузок ни у кого не было, амуниция размещена на поясе и тесак впечатляющих размеров тоже. Камуфляж двуцветный в мелкую точку. Вооружены они были автоматами смутно знакомого вида, но модель я с ходу назвать затруднился, видно что-то редкое. У старшего – ещё и пистолетная кобура в придачу. В общем, они мне крайне не понравились, не говоря уже о том, что нагло обнесли моё добро колючкой и простреливают подступы.

Прикинув свои возможности в случае прямого вооружённого столкновения, решил до этого не доводить. Но оба имеющихся у меня пятизарядных магазина переснарядил, первый – всеми пятью наличными пулевыми патронами, второй – картечью, ещё пяток картечей осталось. Мелкой дроби тоже патронов двадцать есть, но это уж если совсем припрёт.

Тем временем вновь нарисовался «Гелик», но уже с моей стороны колючки и вся компания, правда кроме водителя, вновь высыпала на свежий воздух. Ишь, фонариками по земле шарят, а мой-то, мой, руками машет и вещает, смотрите, мол, левее. Так, следы нашли, забурили что-то по-немецки, пора, видимо, и мне своё слово сказать.

– Эй, фюреры недоделанные! Какого рожна вы здесь объявились и в честных людей стреляете?

Что тут началось! Прямо сорок первый год, ни дать ни взять.

– Партизанен!!! – И очередями по лесу веером, фонари тоже в эту сторону, грамотеи, лежат, светят и поливают почём зря. Водитель даже «Гелик» в сторону леса развернул.

«Нет, братцы, разговаривать мне с вами не с руки, ноги бы унести, – думал я, отползая на карачках в глубь леса и в сторону. – Ядренбатон на всех фрицев скопом!»

– Форвертс! – Ёкарный бабай, они что, прочёсывание на ночь глядя решили устроить? Точно вскочили, бегут, постреливать не забывают.

Ну и я побежал, на бегу в лесу они в меня попасть только случайно могут, даже если увидят. Однако загонят они так меня, широко расходятся и бегать здоровы, чисто лоси, я же целый день шёл, устал уже, а тут вместо отдыха – марафон.

– И тут меня такое зло взяло! Что же это такое?! В моем лесу меня какая-то немчура гоняет как зайца и крови моей хочет! Да ещё нагло, как будто я вообще беспомощный, прям с фонарями и несутся. Ну все гансы, достали вы меня!

Принял влево и, не добежав пару десятков метров до оврага, сбросил рюкзак, после чего нырнул вниз и рванул по дну ещё левее, выходя на фланг. Фонарики стригут поверху уже совсем близко. Опаньки! Заголосили! Видать рюкзак нашли. Выглядываю наверх – ближняя троица сгрудилась у рюкзака. Два быстрых выстрела картечью по ногам. Да! «Сайга-12К» – вещь! Недаром её в штатах как гладкоствольный штурмовой карабин классифицируют. Эти трое хотя и живы, но бегать ещё долго не будут, если вообще в живых оставлю. Быстро меняю магазин, автоматически передёргиваю затвор и теряю картечный патрон. Растяпа!

Тихо иду по низу на противоположный фланг. Дальние два фонаря погасли и почти тут же, к воплям обезноженной троицы добавился дикий протяжный крик дальнего от меня фрица. Его напарник, видимо, окончательно растерявшись, обернулся к новому источнику опасности и выпустил длинную очередь. Раздался собачий визг, а крики немца прекратились. Сволочь! Он подстрелил Одина! Выстрел, всего метров с двадцати по резко очертившемуся над склоном оврага силуэту, просто не мог пройти мимо, и пуля, звонко врубившись в затылок каски немца, заставила его пораскинуть мозгами по поводу своего недостойного поведения. Так, теперь посмотреть, что с дальним и с собакой, вроде молчат, но бережёного Бог бережёт. Не высываясь продвигаюсь дальше к намеченной цели, так немец труп, с такими дырами в башке не живут. И намертво вцепившийся сзади в его правое плечо Один – тоже. Эх, жизнь, жестянка! Жаль-то как!

Ладно, переживания оставим на потом, а сейчас к делу. Что это у нас здесь? Лопни мои глаза! Это же штурмгевер! Немного футуристичный вид, калибр маловат, а так – он самый, вне всякого сомнения. Ну что ж, высшая доблесть, как говорят, – победить врага его же оружием. Где там у нас недостреленные ползунки? Рюкзачок-то забрать надо.

Один из фонарей отлетел далеко и лёг удачно, освещая рюкзак и два слабо шевелящихся тела. Третьего не видно, плохо. Отхожу подальше и спрятавшись за укрытием достреливаю короткой очередью подранка.

– В ответ бьёт только один ствол со стороны оврага. Вот ты куда закатился, голубчик! Сменив позицию, достреливаю второго, меняю позицию. Отвечает с прежнего места, видимо, даже ползать уже не может. Ну что ж, не можешь – заставим! Включенный фонарь летит в сторону немца и ложится удачно, свет бьёт немцу в глаза. Он пытается расстрелять фонарь, но я быстрее. Кажется все, заткнулся. Обойду-ка я его, больно неудачно он носом клюнул, прям в тень за дерево. Вид сбоку просто шикарный, сам немец в тени, но силуэт чётко очерчен на освещённом фоне. Очередь. Вот теперь точно все. Теперь барахло и оружие подобрать и ХОДУ! На базе ревун уже давно надрывается, кажется, как я стрелять начал.

Вот так я и стал обладателем штурмгевера с тремя магазинами, вальтера Р-38 с запасной обоймой, броника и фонаря. Из четырёх других вынул батарейки, на наши «кроны» похожи,

названия нет, только невразумительное буквенно-цифровое обозначение. Холодняк подобрал весь, питаю слабость к этому делу.

Эпизод 6

Всю ночь перебирал ногами под морозящим дождём как проклятый и к утру совершенно выбился из сил. Стали посещать мысли о героической гибели в неравном бою, гори оно все синим пламенем. Тем более что с рассветом развиднелось, дождь прекратился и где-то в стороне послышался стрекот вертушки. К чему бежать, если они сейчас район оцепят, а потом прочешут? Вертолёт я, всяко не обгоню. Жалко гранат нет, фокус с самоподрывом в толпе врагов мне не светит. С этим похоронным настроением я выскочил на небольшую полянку и наткнулся на сгорбленную фигуру в потрепанном немецком комке, сидящую ко мне спиной на трухлявом стволе. Прятаться, на случай, если этот здесь не один, было уже поздно, и я с перепугу заорал

– А ну, хенде хох! Мать перемать! Дёрнешься – стреляю.
– Битте, ниht шиссен, – еле слышно продребез-жало в ответ.
– Кол в подол! – заскулил я, обходя пленного на расстоянии и осматриваясь по сторонам. – Куда я попал! В Вологодской области никто по-русски не го ворит!

– Русиш ист ферботен.
– Постой, так ты все понимаешь? – сказал я, заглядывая под капюшон и вглядываясь в лицо дряхлого старика. – Ну стало быть, и говорить можешь.

Да! Собеседник мне достался тот ещё. Да ему лет сто – не меньше. Худющий, морщинистое лицо обрамлено редким седым волосом и трёхдневной, абсолютно белой щетиной.

– Ты как здесь оказался, старый пень?
– Да как оказался – от хозяина я ушёл, добрый херр, – моргнул старик слезящимися глазами и тут же спросил: – А ты большевик, да?

Настала моя очередь часто моргать.

– С какого перепуга – большевик? И сам ты хер, Семеном меня зови.

– Ну как, на арийца ты непохож, одёжа чудная, да и борода они не носят. По-русски говоришь опять таки, – привёл он свои доводы. – А отец говорил, мол, настоящие большевики немцев все одно придут и победят. Штурмгевер вон у тебя. Скажешь, на дороге нашёл?

– Как на арийца не похож? Я самый, что ни на есть истинный ариец, а немчура твоя – седьмая вода на киселе. Русские – самые арийские арийцы всех времён и народов! Когда это отец тебе такую мудрую мысль про большевиков озвучил?

– Когда? Да, аккурат, об сорок первом годе, как в партизаны ушёл. Больше я его и не видел.

– Так партизаны, значит, здесь есть? Дорожку не подскажешь?

– Да какие партизаны? Немцы с финнами их лет за пять всех повывели. Ты вообще первый русский человек за последние полсотни лет, – грустно сказал дед.

– Тааак! А годик какой ныне, старче?

– Так 2011-й, какому ещё быть. Или ты последние шестьдесят лет, как медведь, в берлоге проспал?

– Считай, что так. Ты мне давай-ка всё по порядку, для начала скажи, мил человек, как немцы вообще здесь оказались.

– Как оказались? Да напали внезапно, 22 июня, я тот день хорошо помню, воскресенье было. День пасмурный, народу объявили, мол, правительственное сообщение будет. И аккурат в полдень Хрущев объявил – напали на нас германские фашисты на свою голову, так накажем их и понесём же свет мировой революции в Европу! Ага, понесли, немцы уже в октябре в Вологде были, а армия наша разбежалась. Вот тогда-то отец в партизаны и ушёл, у него от армии бронь была, а тут чего уж дома-то высиживать. Мать как жену партизана зимой расстреляла айнца-команда. Я же командиру их глянулся, взял он меня за собаками глядеть. Ягер он был, любитель. Вскорости усадьбу здесь себе построил, там я все это время и прожил. Сынок его в город уехал, там жил, в усадьбу только на отдых и заявлялся, хорошо ко мне относился. А вот внучок его городской, только по малолетству здесь бывал. И вот незадача, попал он на ракетную базу служить, здесь недалече. Заявился третьего дня с друзьями и говорит, надо, мол, стари-ка пристрелить да собакам и скормить. Хорошо перепились они все. Я той же ночью и ушёл, больно уж не хочется, чтоб псы мои кости грызли. Лучше в лесу где-нибудь лежать.

– Дааа, дела. Пстой, а ты ничего не путаешь? Молотов же заявление 22 июня делал.

– Нее, все точно. А Молотова ещё в 39-м расстреляли, шпион он немецкий оказался. Выкормыш сталинский.

– А Сталин-то здесь причём?

– Ну так, это он главный предатель был. После того, как его убили, верхи будь здоров как чистили. Много его сообщников перестреляли.

– Ты хочешь сказать, что Сталина убили до войны?!

– Точно так, в 38-м году, помню, я в школу, в первый класс тогда учиться пошёл. Праздник у коммунистов партийный такой был – Октябрьская назывался. Вот его прям на празднике и хотели арестовать, да он сопротивление оказал, пришлось убить.

– И что теперь делать? – задал я риторический вопрос сам себе вслух.

– А ты сынок, на запад, к финской границе иди, коли здесь набедокурил. Пока из колоний ягеров поднимут, глядишь, и перейдёшь, – принял вопрос на свой счёт старик. – На-ка вот тебе, порошочек, собакам след отбивает. Мне он уже ни к чему. Пришло моё время.

– Слушай, может тебе оружие оставить? – попытался отдариться я.

– Зачем оно мне? Не вижу и не слышу почти, да и в руках не удержу.

– Прости, старик, – горько сказал я, – и прощай.

Отвернулся и пошёл прочь не оборачиваясь.

– Прощай, добрый человек, – донеслось сзади. – Видно есть Бог на свете, хоть в последний час послал русского человека. Теперь и помирать не страшно.

Эпизод 7

Вопрос «кто виноват?» передо мной уже не стоял. Связав свой телефонный разговор и полученную информацию, оставив в стороне технические подробности, тихо брёл по ельнику и призывал все известные мне маты на свою голову. И кто меня за язык тянул?!

Но человеку свойственно искать себе любые оправдания и перекладывать собственную вину на других. Я-то был полностью уверен, что общаюсь с пациентом дурдома! И к тому же, ну что я ему такого сказал?!

Стоп! Вот здесь подробно! Таривердиев и Рождественский? Нет, в семидесятых они были мужиками средних лет, значит, до 1938 года или не родились ещё или совсем мальчишки. Мимо!

«Семнадцать мгновений» усатому, по понятным причинам, не доступен, да и звуковое кино вообще только-только в тридцатых пошло. Нет, не это.

Штандартенфюрер Штирлиц? Вот здесь уже теплее, звонил-то он в кабинет Ворошилова. А там такой фрукт! А звания такие у немцев и вообще СС когда появились? Этого не знаю, нечего гадать. Но факт нахождения фашиста в святая святых Минобороны сбрасывать со счета не стоит, хотя, для шпиона, уж больно нагло получается. К тому же ляпнул, что Ворошилов мёртв, что легко опровергается. На всякий случай возьмём на заметку.

Так, что ещё? Левитан? Его сам Сталин продвинул, ночью голос по радио услышав, значит, диктор хозяину знаком и тут вопросов не возникнет. Мимо.

Остаётся «кровавый палач Берия». Так, вспоминай подробно. Берия в Москву переведён в 1938 году, сначала замнаркома, а потом и наркомом внутренних дел. Горячо! Точно, он перед седьмым ноября личную охрану Сталина сменил, Власик стал вождем охранять! А прежний начальник охраны арестован за подготовку покушения был! Они прямо на мавзолее во время парада или демонстрации ударить планировали, ежовские люди. Как под патроном задымилось, засуетились и решили поступить кардинально.

Это что ж выходит? Я брякнул про Берию и его на внутренние дела не поставили? А с какого перепуга Сталин мне, Штирлицу, вообще поверил? Или просто решил перестраховаться? Нет ответа.

Ладно, что мне это даёт? А ничего не даёт. Я-то – в 2011 году, в чужом мире. Один как перст.

Сразу навалились чёрные мысли. Все потерял – сыновей, семью. Да вообще весь свой народ, судя по тому, что дед сказал! Сирота, круглее не бывает! Да по сравнению со мной Ункас – многодетный отец!

Стоп! Жалеть себя будешь потом, когда напьёшься. Хм! Мысль не плохая, но несвоевременная. Подумаем лучше, можно ли все это как-нибудь исправить? А что, позвонить товарищу Сталину, объяснить все, покаяться. Хрен! Мобила сдохла! Зарядка в машине, машина у немцев на базе, а скорее всего, вообще – в другом мире. Отпадает.

– С другой стороны, Иосиф Виссарионович до меня как-то дозвонился. Мы пообщались – и моего мира не стало. Опа! Я-то остался! Нестыковка! Может, все окружающее – глюк? Не, жрать хочется как наяву, натурально. Соберись! В заднице сидишь, а мысли все одно на жратву перескакивают! На чем остановился? Так, мой мир исчез, я остался. Когда это произошло? По идее – сразу как я про Берию брякнул или даже ещё раньше. Что-нибудь вокруг тогда изменилось? Вроде нет. Значит, мой мир идентичен этому? Стоп! Один-то вместе со мной пере-

нёсся, значит, какая-то территория просто ухнула из одного мира в другой. Место, место. Что в том месте особенного? Есть особенность, леший раздери! Камень! Ещё тогда удивился его необычности, помню. Хм, синь-горюч камень, сказки и все такое? Может, и меч-кладенец под ним? Ну я ни разу не Илья-Муромец, чтоб этот валун ворочать, но сходить на место переноса надо, попытка не пытка, вдруг обратно перебросит, мол, пошутил я. Все равно других, более разумных в этой абсурдной ситуации, планов нет. Бежать мне некуда и незачем.

Итак – решено!

Эпизод 8

Чёткое осознание ближайшей цели будто придало сил, и я, отбросив в сторону переживания и посторонние мысли, упрямо шагал через лес, избегая уже изрядно облетевшие березняки и осинники. Стрекот вертушек раздавался все чаще и чаще, поэтому я старался держаться под надёжным хвойным прикрытием. Пару раз пришлось замирать и прятаться, когда вертолётчики проходили совсем близко, вид же их меня немного обнадежил. Судя по игривой яркой раскраске, военными они не были, да и размерами не поражали, на три—четыре пассажира максимум. Такими машинами частую гребенку не обеспечишь, скорее всего, они только поиском занимаются, а преследование идёт по земле. Значит, ещё побегаем.

Каждые пять—десять минут ходьбы я останавливался в каком-либо укрытии и слушал лес. Увидеть погоню в моих условиях гораздо сложнее, чем услышать, а кто предупрежден – тот вооружён. И вот, в один из таких моментов, я услышал едва уловимое: «вжих-вжих-вжих». Огляделся по сторонам, но так и не увидел источник моего беспокойства. Между тем звук явно приближался, ну не невидимка же в самом деле! Тень, мелькнувшая по земле, заставила поднять взгляд выше, и я замер в изумлении. Между стволами деревьев плавно и величественно плыло нечто. Его тело, по которому струились, постоянно изменяя своё положение, темно-серые и темно-зелёные полосы, венчалось плавно машущими, полупрозрачными, стрекозиными крыльями. Зрелище было на редкость красивое, и я улыбнулся, рассматривая это чудо. Эх, жалко фотика с собой нет! Взгляд между тем остановился на трёх чёрных точках, расположенных равносторонним треугольником на теле этого существа, они не двигались и казались глазами. Глазами?! Очарование мигом слетело. Епонский свин! Это ж дрон!!!

– Рихард, как ты думаешь, кто это? – спросил практикант-зоолог у своего руководителя. – Может, и правда, лесной дух, как говорил часовой с базы?

– Нет, Свен, это явно человек, – ответил на парник, разглядывая на мониторе то быстро перемещающуюся, то замирающую в кустах фигуру. – Лесным духам армейские бронжилеты и оружие ни к чему.

– Откуда здесь человек? Наши все на месте, колонии тоже вооружили своих всех, у армейцев тоже все, ну кроме пятёрки, которая в лес ушла, – сказал практикант. – Может, кто-то из них сошёл с ума и дезертировал?

– Нет, этих всех нашли, – ответил Рихард, переключая режим монитора с черно-белого на цветной и обратно.

– Но как здесь мог кто-то посторонний взяться? Мимо наших кордонов в национальный парк никто не пройдёт, а все прибывающие регистрируются и снабжаются маячками. Все они вышли на связь и предупреждены об опасности.

– Вот поэтому, Свен, нам и надо взять его живым, – задумчиво сказал начальник и распорядился: – Свяжись с нашими, предупреди их об этом, пусть ампульные ружья со снотворным прихватят с собой.

– Похоже, он нас заметил.

Человек на экране присел и закрутил головой, внезапно поднял взгляд и уставился прямо в камеру.

– Свен, увеличь и сфотографируй!

На застывшем на миг экране замерла грязная бородатая физиономия с идиотской улыбкой.

– Хайлиге шайзе! Это точно, псих какой-то.

Изображение внезапно дёрнулось, на экране что-то мелькнуло, и он погас.

– Переключись на другой беспилотник, да и сами, давай, поближе подлетим, – сказал Рихард. – Я вызываю десантную группу в этот район. Охотники! Я патруль пять, неизвестный обнаружен, вооружён, координаты..., движется на северо-запад. Веду преследование. Ждём помощи.

– Мы выдвигаемся, – чётко прозвучало в эфире.

Цель, благодаря камуфляжу, размазывалась, и истинные её размеры угадать было сложно. Поэтому расстояние до неё я оценил не верно и пуля «Сайги» прошла выше, дрон оказался гораздо ближе ко мне, чем я рассчитывал. Да и стрелял я навскидку. Тем не менее, видимо, попал в один из соосных винтов, вниз полетели осколки прозрачного пластика, сверкая на солнце игривыми искорками. Дрон дёрнуло, повело в сторону, и он врубился лопастями винтов в дерево. Осколки пластика посыпались вниз уже водопадом, и спустя мгновение переливающийся шар с треском упал на землю.

Так, меня засекли, и теперь вся надежда на скорость. Я рванул к ближайшим ёлкам и вовремя, над головой, правда, на большой высоте, прошёл маленький вертолёт.

Моя скорость передвижения резко снизилась, я уже не рисковал выходить даже в редколесье, приходилось продирается сквозь густой подлесок, нырять под еловые лапы и перепрыгивать поваленные стволы. Спустя полчаса такого бега с препятствиями я выдохся, между тем вдаль послышался новый, густой, басовитый гул тяжёлого вертолёта и, кажется, даже не одного. Радует только одно – сесть им здесь негде, хотя, если используют спуск на подвеске, это значения не имеет.

Десантных бортов, действительно, оказалось два. Один гудел где-то позади, по моим расчётам, недалеко от того места, где меня засек дрон. Правильно, там есть небольшой заливной лужок на берегу речки, в которую впадает ручеёк, текущий мимо камня. Значит, преследователям, чтобы выйти на мой след, через неё придётся переправляться. Минут сорок у меня есть, если, конечно, пойдут по следу, а не устроят тупое прочёсывание. Более вероятно первое, народу на борту от силы человек двадцать может быть, а лес здесь густой, прочёсывание без гарантии. Значит – собаки. По муравейнику я, само собой, уже давно потоптался, но, видимо, пора использовать и дедов дар для верности. Ха! Ну чем я не Сусанин? Залезут по моему следу в самую чащу и этот самый след, потеряют. Принимается.

Второй тяжёлый вертолёт ушёл куда-то далеко вперёд по ходу моего движения. Ага, засада значит. Но, судя по почти пропавшему звуку, слишком далеко, моя цель ближе. В случае же, если возле камня перехода нет, то не один ли хрен, как помирать. Сдаваться я в любом случае не собираюсь. Ладно, постоял, подумал, а теперь ходу, ходу, ходу! Осталось совсем немного!

М-да, а вот вторую группу я недооценил. Если те, кто шёл по пятам никак себя не проявили, может, даже совсем на мой след не напали, то те, кто по моим расчётам, должны были тихо и мирно сидеть в засаде, меня напрасно поджидая, нагло направились мне навстречу!

Стоило мне только высунуться из чаши возле камня, как впереди между стволами, замелькали человеческие фигуры и послышался собачий лай. Я упал на землю и замер. Нет, это бесполезно, ветер в сторону противника, собаки найдут. Свинство! За пару шагов от цели! Впрочем, сейчас – или никогда! Они меня чувствуют, но пока не видят, надо рвануть броском вперёд. Главное – подобраться к камню, верю, сработает! А если нет – то остальное уже значения не имеет. И я рванул! Впереди послышались возбуждённые крики, грохнула пара одиночных выстрелов.

– Уррааа!!! – заорал я и выпустил из штурмгегера очередь на полрожка веером.

Лес на мгновение поймал мёртвую тишину, будто время остановилось и все застыли на месте, только я, ломая низкие ветки, с разбегу залетел на вершину валуна.

– А ну вертай всё взад, глиняная твоя душа!!! – выкрикнул я и подпрыгнул на месте, тут же получив шприц в бедро.

Мир внезапно кувырнулся, и я, сделав неполную пару сальто назад, растянулся во все свои 186 сантиметров, лежа на спине и широко раскинув руки. Картинка перед глазами закрылась, и я отрубился.

Глава 2

Широка страна моя родная Эпизод 1

Очнулся я с жестокой головной болью и неприятной сухостью во рту. Рядом кто-то то ли тяжело вздыхал, то ли стонал. С трудом разлепив глаза и полюбовавшись на алое, подсвеченное зарей, облако прямо у меня над головой, я с трудом оторвал голову от земли и сел, неосторожно сломав при этом торчащий рядом сухой прут.

– Может, хватит шуметь? – громко проворчал я. – И так голова раскалывается.

В ответ раздался яростный рёв и треск ломаемых сучьев, будто через лес ломанулся взбесившийся танк. Схватив первое, что попало под руку, на моё счастье это оказалась «Сайга», я выпалил в выскочившую на меня бурую гору все три оставшихся пулевых патрона и ещё пару раз щёлкнул курком всухую. Гора сделала ещё пару шагов, упала на колени и ткнулась лосиной мордой у моих ног, едва не придавив ветвистыми рогами.

– Ничего себе, денёк начинается! – только и смог промямлить я и упал обратно на спину. В лесу воцарилась хрупкая тишина, только ветерок, играя в вершинах деревьев, тихонько шуршал и постукивал ветками, уже изрядно подрастерявшими свой осенний наряд, да тихонько падали листья, нашёптывая что-то своё, человеку недоступное. Насколько я мог судить, оглядевшись вокруг, место было то же самое, вон ручеёк со знакомым омутом, вот пригорок, на котором я и лежу. Вот только камня не было и в помине! Где ты, отроде магматическое? Ну да ладно, главное – сработало! Обломитесь, фашисты проклятые! Поймать меня хотели, ага! А я вас аннигилировал к чертям собачьим! Туда вам и дорога!

Все это, конечно, хорошо, я живой и есть надежда, что скоро буду относительно здоровый, но где теперь я сам? В любом случае, надо собрать себя в кучу и подняться, тем более лежать на редкость неудобно, под спиной мешается рюкзак и, несмотря на броник, чем-то давит в бок. Под задницей, судя по ощущениям, вообще какая-то палка. Решив начать с малого, слегка повернулся набок и ухватив рукой помеху под пятой точкой, на ощупь оказавшуюся тёплой и гладкой, с лёгким шорохом плавно вытянул её вбок. Повернувшись на место и скосив глаза, посмотрел на свою находку. Та-а-ак! Меч-кладенец имеет место быть! Что теперь, Баба-Яга из кустов вылезет?! Да сколько ж можно! За что это все на мою голову?!

Раздражение решительно вымело из организма похмельную апатию, и я, несмотря на боль в затёкших ногах, встал. Правое бедро отозвалось жжением. Ощупав себя, наткнулся на шприц, воткнувшийся минимум на половину иглы.

– Уроды! – вслух ещё раз ругнув немцев, избавился от помехи. – Надо бы место укола йодом обработать.

Это что, уже сам с собой разговариваю? А почему нет? Всегда приятно поговорить с хорошим человеком, а лучше всего спеть. И я, полностью раздевшись и оглашая лес громким воплем «Косил ясь конюши-ну» сбежал к омуту и бултыхнулся в чёрную, ледяную осеннюю воду. А-а-а-xxx!!! Так и сердце остановиться может! Дыхание перехватило сразу, пришлось выскакивать обратно. Но как бодрит! С первым днём тебя, родной, в новом, судя по отсутствию камня, мире! День рождения, ура! Буду отмечать, тем более, что отдых мне позарез нужен – целую неделю уже на ходу. Подобрал часы, что там у нас за число? Ага, пятое октября, среда.

Эпизод 2

Поскольку никаких признаков цивилизации вокруг не наблюдалось, а к походу я совершенно не был готов, решил посвятить целый день бытовым хлопотам. В основном заготовке провизии, благо мяса теперь у меня хоть завались. Чего не скажешь о соли и остальном, видимо скоро вообще одной лосятиной придётся питаться.

При разделке туши с самой лучшей стороны показал себя трофейный штык-нож, который я решил попробовать в деле. Сначала хотел просто отрезать заднюю ногу и уйти подальше, ну куда мне такая гора мяса? Да и волков тоже надо иметь в виду, хоть они в первой половине осени и сытые. Но жадность взяла верх, решил идти до конца и нож меня не подвёл, такое впечатление, что эта работа на заточке никак не сказалась.

Чуть в стороне разложил аж четыре костра, благо дров вокруг полно, и приступил к таинству приготовления пищи. Да, устроил себе праздник живота, и отварные языки с губой тебе пожалуйста, и печень жареная. Объединение! Впрок же нажарил шашлыка, мариновать, конечно, времени не было, но что имеем, тем и рады.

В промежутках между этими хлопотами уделил время своему оружию. Если с «Сайгой» проблем не было, ну что для меня почистить «калаш» – пятнадцать минут, то трофеи заставили с собой повозиться. Пользоваться ими, осмотрев внешне и разобравшись с затворами, предохранителями и переводчиком, я более-менее мог, а разборка-сборка заставила пораскинуть мозгами. В конце концов, и с этим справился. Щтурмгевер мне достался не новый, но ухоженный и много времени тоже не отнял. Патрон к нему 5,56×45 похоже, штангенциркуля у меня нет, но на первый взгляд именно он. «Вальтер» же меня возмутил, в стволе не то что ржавчина, а чуть что не чернозём, с ним пришлось повозиться. Проверил пружины и перенарядил все магазины. Для «Сайги» осталась только дробь и восемь картечных выстрелов, боекомплект к щтурмгеверу ограничился двумя с половиной тридцатипатронными рожками, ещё два пустых закинул в рюкзак. В патроннике «вальтера» нашёлся семнадцатый «маслёнок» в дополнение к двум обоймам. Бонус, приятно.

Следующим моё внимание привлёк меч, который я невольно старался игнорировать, будто бы надеясь, что он пропадёт, растворится в воздухе сам собой, и мир, вернётся обратно, в привычное мне, хоть чуть-чуть прогнозируемое, состояние. К моему глубокому сожалению, этого не произошло, и я решил, в первую очередь, его хорошенько рассмотреть. Видал я раньше древние мечи – один сплошной кусок ржавчины, если почистить, то там от железа-то почти ничего и не оставалось. Этот же был в прекрасном состоянии.

Попробовав ногтем заточку, я был приятно удивлён. Длинный, пожалуй, около метра, однодольный обоюдоострый клинок благородного матового серого цвета был украшен симметричным волнистым рисунком чередующихся слоёв стали. Бронзовая рукоять сразу вызвала ощущение древности своим чёрным цветом, перекрестья не было, и гарда, ограничивалась лишь упором для кисти. С другой стороны рукояти было идеально шарообразное яблоко. Никаких надписей, клейм и узоров на мече не нашлось, исключая «кельтский крест» на навершии. Хотя называть его так категорично я бы поостерегся, на церквах Новгорода таких крестов полно.

Взяв меч в руки и слегка им помахав, окончательно убедился, что это оружие конника, на спату очень похож, позволяет наносить как рубящие, так и колющие удары. Выбрав неподалёку подходящую сухостоину, толщиной около пяди, нанёс рубящий удар по диагонали слева сверху вниз. Тумм! Клинок вошел в дерево больше чем на половину диаметра и застрял. Думаю, если бы бил строго по горизонтали, то перерубил бы на раз. Ёлку пришлось подтолк-

нуть, и она, ломая сучья соседних деревьев, рухнула на землю. Подходяще! Вот только рукоять узковата, по-видимому, раньше она была чем-то обшита. Ладно, позже раздобуду кожаный ремешок и навью на неё по руке, заодно и темляк получится.

А вот ножен к мечу не оказалось, я даже не поленился покопаться в земле на месте находки. И как же мне тебя с собой таскать? Пришлось спрятать клинок в брезентовый чехол от «Сайги», предварительно слегка смазав оружейным маслом и обмотав тряпками.

Остаток времени посвятил приведению одежды в состояние костюма лешего. Пришил на брезентуху, броник и рюкзак пучки сухой травы, благо осенью их менять по мере увядания не надо, как летом. Нещадно обкорнал кобуру «вальтера», превратив её в открытую. Прорезал с внешней стороны в остатках кобуры два отверстия под ремень, теперь она, вместе с содержимым, будет надёжно прижата к телу. От натирания пуза оружием предохранят остатки клапана, а ремешок просто засунем между ремнём и кобурой, избавившись от застёжки. Привычно и позволяет моментально извлечь оружие, гарантируя при этом, что оно не выпадет в самый неподходящий момент. Вот теперь я ко встрече с недобитыми фашистами готов.

Солнце уже перевалило далеко за полдень, глянул на часы – почти четыре. Пора собираться и уходить, а то ночью сюда наверняка пожалуют серые зубастики, мне такая компания ни к чему. За пару часов отойду километров на пять-шесть, там можно и на ночлег устраиваться.

Нищему одеться – лишь подпоясаться. Только это не про меня, я теперь далеко не нищий, барахла даже больше, чем хотелось бы. Рюкзак забит пожитками и шашлыком, кусок лосиной шкуры, свёрнутый как перемётная сума, им же. Ещё три ствола, меч, ножи, топорик, всего добра килограммов на сорок—сорок пять. Ну ничего, запас карман не тянет.

Эпизод 3

Пятый день иду лесом на юг. Никаких признаков цивилизации по-прежнему нет. Нет деревень, дорог, не летают самолёты, нет даже одиночного паршивенького следа. На территорию городка ракетчиков я само собой прогулялся, но ничего не обнаружил, кроме девственного леса. Это куда ж меня забросило?

Вот ведь человек зверюга какая, вечно чем-то недоволен. Когда меня фрицы по лесу гоняли, подумывал, что обрадовался бы даже обществу Гайдара на пару

Чубайсом, не к ночи будь помянуты. Сейчас уже искренне жалею о немцах, и пристрелить-то меня несчастного некому, а самому не к лицу, да и грех. Завтра, наверное, буду думать, что и Бабка-Ежка не такая уж дурная компания. Докатился. И уж совсем плохо было бы, окажись я единственным человеком на этой земле.

А если серьёзно, то вопрос «что делать?» вновь встал передо мной в полный рост. Вариантов, по сути, было всего два. Первый – продолжать движение в надежде встретить людей. Вторым – готовить зимовье и продолжить поиски в следующем году. В общем дилемма – журавль в небе или синица в руках. И решать надо быстро, сегодня уже десятое октября как-никак, скоро зарядят затяжные дожди и падут первые заморозки. До них надо успеть устроить себе более-менее надёжное и тёплое жилище, как минимум. Вообще-то говоря, решить нужно было ещё вчера, а то и позавчера, обустройство на зиму дело не быстрое, но я ещё на что-то надеялся.

И не зря. Под вечер пятого дня, когда лес уже затаился в сумерках, я вдруг услышал далёкий, протяжный гудок. Это, по-видимому, пароход или паровоз, либо их более современ-

ные аналоги. Развернул карту, чтобы хоть примерно прикинуть своё место, так, это, по всей видимости, железная дорога Ленинград – Вологда. Определившись со своим местом, принялся матерно ругать себя на чем свет стоит. Это ж надо! А ещё говорят, дуракам везёт! По всему выходило, что я оказался недалеко от железки, аккуратно обойдя лесом ближайшие населённые пункты, отмеченные на карте. Пусть в моё время они в основном позаброшены, но где гарантия, что время именно моё? Надо было сразу идти в ближайшую деревню, дубина! На заднем плане мелькнула мысль, что нет худа без добра. А ну как там немцы?

На следующий день, преодолев ещё километров десять до железки, выбрал удобную позицию в кустах, приготовился наблюдать. Так, что тут у нас? Железная дорога, однопутная, проводов над путями, за исключением телеграфных, нет. Значит – не электрифицирована. Интересно, это когда ж эта ветка в таком виде была? Максимум до шестидесятых, наверное, все же Европа, не Дальний Восток. Ага, кто-то неспешно топает вдоль путей, пока далековато, даже бинокль рассмотреть подробности не помогает. Подождём, но очень похоже на обходчика, молоток присутствует. Поговорить? Не-е-ет. Напугаю, взаимно приятного общения не получится. И что, в лес его потом? Так что, глазками пока посмотрим, торопиться мне теперь некуда.

Слева, из-за дальнего поворота со стуком и шипением показался поезд и дал короткий гудок. Над котлом чёрного паровоза вспух султан пара и рассеялся в дыму. Обходчик отошёл немного в сторону от пути и приветливо помахал рукой, поздоровались, значит.

Рассматривая в бинокль приближающийся паровоз, разглядел на его котле красную звезду. А жизнь-то налаживается! По крайней мере немцами здесь и не пахнет. Хорошо! Выходит, по моим выкладкам, война ещё не началась. Значит, сейчас самое позднее сороковой год. В запасе около восьми месяцев минимум, можно попробовать побарахтаться. Под эти мои рассуждения паровоз неспешно протащил мимо около десятка платформ, груженных лесом.

– А вот теперь мне позарез нужен план. Что мы имеем? Отрезок времени с семнадцатого по сорок первый год и немецкое вторжение в перспективе, с хреновыми последствиями, вплоть до полного уничтожения моей Родины. Что я могу в этой ситуации сделать? М-да, лишней армии у меня в кармане не завалилось, по сути, у меня есть только информация. Как её наиболее эффективно реализовать? По-любому, нужно выходить на высшее руководство. А кто у нас высшее руководство? По последним сведениям – до 7 ноября 1938 года товарищ Сталин, а потом не знаю, скорее всего, там жуткая драка за власть должна была быть. Здесь мне нужна дополнительная информация. И при получении желательно не засветиться, чтобы сохранить свободу манёвра. Мелкие населённые пункты отпадают, там все друг друга знают и придётся врать, объясняя, кто я и откуда, что чревато. Значит, мне нужно в город. Ближе всего Череповец, дальше Вологда, от неё можно и до Москвы добраться уже. Вот и ладушки, ближайшая цель определена. А теперь отползём обратно в лес, обходчик уже близко, да и подготовиться к поездке надо.

Эпизод 4

Первым делом, коли уж я решил, что войны нет, необходимо избавиться от оружия. Сам собой, выбрасывать я его не собирался, но и в открытую носить его нет никакой возможности. Поэтому, ещё раз почистив стволы, принялся распахивать их по сумкам. Для штурмгевера с его не складываемым прикладом место нашлось в чехле, в тёплой компании с мечом. А «Сайгу» вынужден был сложить и запихнуть в рюкзак. Ствол, естественно, не поместился,

пришлось пустить на его маскировку бандану. Осталась у меня ещё вязаная шапочка, для этого времени не характерная, придётся рискнуть, а при первой же возможности разжиться местным головным убором.

Следующим предметом забот стал бронежилет. Носить это камуфлированное чудо в открытую – проще транспарант развернуть: «Я не отсюда и, вообще, непонятно кто». Пришлось потратить время на спарывание соломы с броника и одеть поверх него брезентуху. Налезла с трудом, теперь я этакий крепыш на вид, не подходи – задавлю. Немного неудачно вышло с «вальтером», нижний край броника слегка мешал быстро его вытащить, придётся пережить. С другой стороны, благодаря «поддёвке» пистолет на брючном ремне, прикрытый курткой навыпуск, совершенно не выделялся.

Ну вот, теперь уничтожить лишние запасы и вперёд. Уничтожать шашлык пожиранием – сплошное удовольствие, до определённой стадии. Пришла на ум фраза Верещагина из «Белого солнца пустыни»: «Опять икра! Хоть бы хлеба достала, что ли!» Тем не менее жадность не давала остановиться и, когда я уже не мог запихнуть в себя ни кусочка, закономерно не смог с первой попытки подняться на ноги. Хорошо, что вообще встал. Проглот, блин! А ещё поезд бегом догонять собрался! И как теперь? Любим же мы создать себе трудности, а потом героически их преодолевать!

Эпизод 5

Четвёртый час лежу рядом с железкой, изображая пук соломы. На запад идут поезда с лесом на платформах, но мне туда не надо. На восток прут теплушки. Ну хоть бы на одной тормозная площадка была! Похоже, мои переживания по поводу пробежек на полный желудок оказались совершенно беспочвенными. Время уже к вечеру, смеркается, обходчик прошёл в обратную сторону приблизительно час назад. И, как назло, в это же время прошёл поезд, составленный из платформ с какими-то ящиками под брезентом. Это то, что мне нужно! К сожалению, пришлось пропустить.

«Мой» поезд показался, когда я уж совсем собрался уползти в лес и устроиться на ночлег. Паровоз попыхивал дымом, который удачно сносило в противоположную от меня сторону, позволяя разглядеть сами вагоны. Увиденное, впрочем, меня совсем не обрадовало, за паровозом были все те же теплушки. Ладно, пропущу и уйду ночевать. Состав тем временем приблизился, и я увидел за первыми тремя товарными вагонами длинный ряд платформ. Сейчас или никогда!

– Лишь только поезд изогнулся на повороте и скрыл меня от взгляда из будки машиниста, я рванул неспешно проходящим мимо меня платформам что было духу. Ухватился за край и изо всех сил оттолкнулся от земли. Есть! Я теперь на коне!

Груз составляли все те же большие деревянные ящики, между которыми я и забился, укрывшись брезентом. Пространства там было – только-только протиснуться человеку, но в длину позволяло лечь во весь рост. Мне большего и не нужно, и так путешествую высшим классом, в индивидуальном вагоне. Ради интереса оторвал с помощью топорика одну доску и, подсвечивая фонариком, заглянул внутрь. Похоже, станки. В Череповце и Вологде крупных индустриальных строек до войны, кажется, не было. Значит, груз транзитный. Хорошо. Но на всякий случай нужно держать ухо востро, а то завезут на какой-нибудь завод, выбирайся потом с территории. Если поймают, с моим-то барахлом, – сразу шпионом окажусь, как пить дать.

Остаток светлого времени посвятил спарыванию пучков сена с одежды и рюкзака. Пора из леших обратно в людей переквалифицироваться.

Поезд медленно шёл сквозь ночь, отстаиваясь на разъездах, пропуская встречные составы. Долго стояли в Череповце, наверное, меняли паровоз, пришлось сидеть, затаившись как мышь, железнодорожники осматривали сцепки и колёсные пары. На этой долгой остановке решил не высаживаться. Что я в чужом городе и чужом времени среди ночи делать буду? Доеду уж до Вологды, пока везут, а там посмотрим.

На конечную точку своего маршрута я прибыл под утро, часов в семь, совершенно разбитый. Все-таки частые остановки и необходимость отслеживать маршрут не способствуют спокойному сну. А организм любит, когда его спят ночью.

Как бы то ни было, я на месте. И, осторожно спрыгнув с платформы, прошмыгнув меж каких-то сараев-складов, оказался в городе.

Глава 3

Вологда

Эпизод 1

Несмотря на ранний час, жизнь в провинциальном городе уже кипела вовсю и на улицах было довольно много народу. Особенно поразила очередь в булочную, которая тянулась метров на тридцать уже по улице. В прошлой жизни я больше всего ненавидел именно стоять в очередях. Это что ж, если я здесь останусь, и мне так придётся? Лучше бы меня пристрелили!

«Не каркай!» – ехидно выступил внутренний голос и опять спрятался подальше в подсознание. Эх, где ж ты был, когда я последний раз по телефону разговаривал!

Первым делом я направился на вокзал, благо он был недалеко, чуть дальше по улице, и не пришлось искать его методом опроса прохожих. Всё-таки, чувствовал себя я не совсем уверенно. Сам вокзал представлял собой красивую кирпичную постройку, чем-то похожую по стилю на Белорусский вокзал Москвы, только более скромную по размерам, не хватало привычной бело-зелёной расцветки. Здесь на покраске стен явно сэкономили, ограничившись только обрамлением окон и дверей.

Внутри вокзала был натуральный людской муравейник. Даже не ожидал такое увидеть, люди спали на узлах, здесь же рядом ели, множество народа хаотично передвигалось без видимой цели. В воздухе сильно сквозило от постоянно раскрываемых дверей, и стоял глухой гул голосов.

Протолкавшись к расписанию, вывешенному на стенде, с замиранием сердца прочёл: «Расписание движения поездов от станции Вологда на 1929 год». Приплыли. Простоял пять минут, свыкаясь с немудрящей мыслью, что о 1929 годе я вообще ничего не знаю. При этом меня толкали со всех сторон суетящиеся люди, а я стоял, раскрыв рот, и ничего не чувствовал.

Наконец, приведя мысли в порядок, нашёл в расписании поезда дальнего следования на Москву. Так, отправление два раза в сутки в восемь и двадцать часов ровно, на утренний я, в принципе, успеваю, если б были деньги местного образца на билет. В любом случае, пройти к кассам, посмотреть на процедуру продажи билетов будет отнюдь не лишним. Вдруг здесь без паспорта никуда не уедешь?

Переместившись к окошку дальнего следования убедился, что оно уже открыто, но народу не сказать, чтоб много. Да что там, мало народу едет! Вот пригородные кассы чуть ли не штурмом берут, тоже плохо. Потоптался недалеко, вроде бы просматривая тарифы на проезд, посмотрел процедуру продажи билетов, вроде ничего, кроме денег, не спрашивают, это уже лучше. Ладно, вернусь вечером, теперь главное достать энную сумму наличности.

Тут, кстати, подошёл пригородный поезд и толпа народа потекла с перрона через здание вокзала. Из разговоров двух тёток я понял, что они направляются на толкучку. Взглянув на толпу с мешками со всякой всячиной, решил, что не они одни, смешался с потоком и отдался его воле. Лучший способ купить что-либо нужное, как говорил Матроскин, это продать что-

либо ненужное. Шапка, билет, жратва мне была нужна, а вот четыре немецких штык-ножа явно лишние.

Эпизод 2

Городской рынок Вологды произвёл на меня тягостное впечатление. Народ кучковался на сравнительно небольшой площадке неправильной формы, ограниченной небогатыми домами и хозяйственными постройками. Под ноги то и дело попадались рытвины в ветхой мостовой, заполненные осенней грязью.

Для порядка немного потолкался, прицениваясь к местным товарам. Всё-таки в экономических реалиях двадцать девятого года я совершенно не ориентировался. Народ суетился и торговался, в основном продавая скоропортящиеся продукты и то, что в девяностых называли «сэконд хенд». Покупать в большинстве старались хлеб и различные крупы, а также хозяйственный инвентарь, посуду и бытовые мелочи. Найдя продавца с топорами и прочим острым железом и выбрав момент, когда народу вокруг стало поменьше, подошёл и, указав на первый попавшийся колун, спросил:

– День добрый! Эта игрушка в какую цену, хозяин?

– Добрый! – последовал не слишком приветливый, судя по интонации, ответ: – Не игрушка это, а справный инструмент для хорошего плотника.

– Пусть так, не хотел обидеть, прости, – с готовностью извинился я. – Так по чем?

– За полсотни рублей отдам.

– А не дороговато ли? Какие-то они у тебя все разные, – попытался поторговаться: – Не фабричные, что ли?

– Да что ты понимаешь! Это я сам ковал, своими руками, а фабричные – мусор, и сравнивать нечего.

– Ой ли? А железо откуда берёшь? На заводе покупаешь?

Продавец потупился, видно вопрос больной.

– Ну лом разный перековываю, но ты не смотри, я кузнец потомственный, своё дело знаю.

– Раз дело знаешь, то скажи мне, добрый человек, – достал заранее приготовленный немецкий штык, – вот эта вещица на какую цену потянет?

Кузнец повертел нож в руках, рассмотрел внимательно, попробовал ногтем заточку и заодно на звук, посопел и изрёк.

– Знатная штука, если б сам продавал, то не дешевле своего топора, но у тебя не возьму, нет у меня денег таких. Да и клеймо на нем больно странное.

– Это знак качества, – соврал я про фашистского орла на свастике. – Может посоветуешь, кому продать такое можно?

– Ты, мил человек, в мясной ряд сходить попробуй, может, кто и возьмёт.

– И на том спасибо.

Да, облом. Не к тому человеку обратился, сразу не мог сообразить, что продавать пользователю нужно, а не производителю. Хоть приблизительную цену узнал, и то хлеб.

Придётся потолкаться среди торговцев мясом, благо их здесь неожиданно много. Вопрос прояснил не в меру разговорчивый торговец, простодушно заявив.

– А чего ради скот беречь? Все одно в колхоз заберут, а так хоть прибыльок.

На моё счастье, первая же попытка впарить трофеи вышла относительно удачной, получилось, после яростного торга, продать один нож за сорок рублей. Хотя просил я за него изна-

чально шестьдесят, но видно торговля – не моё, устаю от неё неимоверно, не лежит душа. Стоило только покупателю согласиться на минимально приемлемую для меня сумму, как ударили по рукам и я отправился попытать счастья к соседу, заинтересованно поглядывавшему в нашу сторону. Так, пользуясь стайным инстинктом, все берут – и я возьму, удалось продать ещё два немецких тесака, а вот четвёртый застрял, желающих на него не находилось, пятый же я решил оставить на память.

Уже хотел удовлетвориться достигнутыми результатами в сто двадцать восемь рублей и покинуть нелюбимое мной место торжища, как вдруг меня тихонечко подёргали за рукав.

– Дядя, ножик продаёшь? Глянуть можно?

– Я обернулся и увидел перед собой молодца-крепыша невысокого роста, но широкого в кости. Из-под кепки выбивались белобрысые волосы, а светло-голубые глаза, казалось, рассыпали смешинки. Улыбаясь во все тридцать два зуба, парень прямо смотрел мне в глаза и весь, кажется, лучился изнутри добром.

– Ну что ж, за погляд денег не беру, держи, – достал нож и подал рукоятку вперёд, – али покупать собрался?

– Купил бы, сразу видно – клинок хороший, да удобный, – парень погрустнел. – Да денег с собой нет. Может, дойдёшь со мной до дома? Здесь недалеко, там и по рукам ударим.

– Ладно, веди, коли недалеко, – с лёгкостью согласился я, осточертело уже вертеться на этой толкучке. – Только шапку быстро по дороге куплю, я сюда возвращаться не собираюсь и так полдня здесь убил.

Сделав все свои дела, я с новоявленным покупателем прошёл на соседнюю улицу и дошёл до богатого с виду дома.

– Вход на нашу половину сзади, сейчас обойдём и на месте, – пояснил парень. – А что это за знак на ноже?

– Знак качества, – уже привычно соврал я. – Может, помнишь, такие кресты, даже на деньгах печатали раньше, свастика называется.

– Да, было дело. Но нож уж больно необычный, особенно рукоять. Из чего она?

– Пластик это называется, на ощупь тёплая и не скользит, а форму придать любую можно, – принялся рекламировать я товар.

– Да? Ну-ка дай подержусь! – заинтересовался мой собеседник и остановился.

Мы тем временем обошли дом и оказались в глухом тупике, с одной стороны ограниченным стеной дома с единственной дверью, без окон, с других сторон все закрывал дощатый забор выше человеческого роста. Лишь только рукоять ножа оказалась в руке молодца, как лицо его неузнаваемо переменилось. Мне показалось, что оно резко посерело, оскалилось, а глаза приобрели жестокое решительное выражение и стальной блеск.

– Х-ха!

Все произошло в момент, а я, находившийся в расслабленном состоянии, не успел среагировать. Если бы не броник, то нож торчал бы у меня в левом подреберье. Мой теперь уже противник такого развития событий явно не ожидал и на миг растерялся, что дало мне возможность перехватить кисть вооружённой руки левой и крутануть её наружу, одновременно нанося в лицо хук с правой. Парень отрубился сразу, перевернуть его на живот и связать руки за спиной, было уже делом техники.

Во время этих танцев моё внимание привлекла куртка этого отморозка, решившего зарезать человека ради какого-то ножа. Или, может, следил за мной на рынке, вычислив чужака, и видел как я расторговался? Тоже вполне себе вариант.

Когда он падал, полы разлетелись и при ударе о землю там что-то звякнуло. Быстренько обыскав тушку, нашёл в правом кармане «наган», в левом горсть патронов к нему и немного мелочи, внутренний вознаградил меня двадцаткой.

М-да, коммерция мне не удалась, а вот оружие к рукам прямо таки липнет. Нехорошо, конечно, что я с криминальным элементом пересекаюсь, надо теперь ноги делать и ухо держать востро. А ну как у него здесь дружков прорва, сунут в суতোлке заточку и поминай как звали.

Вариант с вызовом милиции тоже игнорировать нельзя, ведь это я уже сейчас грабителем получаюсь. Надо бы где-то отсидеться оставшиеся восемь часов до отправления поезда.

Эпизод 3

Рассудив, что следует избегать больших скоплений народа, равно как и безлюдных улиц, шёл по городу сторожась, и ноги как-то сами привели меня в самый центр, к Воскресенскому собору. Службы не было, либо уже закончилась и людей вокруг храма не было, будто его специально обходили стороной. Поднял взгляд на купола и с языка само собой слетело:

– Господи, помоги!

Тут же внутренний голос ехидно заметил. «Нашел время молиться, тем более что крещёный, да не особо верующий. Когда в церкви последний раз был-то? Только на свадьбы да похороны и заходишь. Ни одной молитвы не знаешь, а все туда же, помощи просить собрался».

На что совесть резонно возразила.

«А почему нет? Или это не ты своим болтливым языком товарища Сталина угробил? А следом и весь свой народ? Есть ли грехи тяжелее? Искупать как думаешь? Для этого нужно совершить невозможное, без веры и Божьей помощи тут не обойтись. Достоин ли ты её без покаяния?»

Пока длился этот внутренний диалог, я уже подошёл к дверям и взялся за ручку, распахивая створку. Навстречу вышла древняя старуха и, глядя на меня, проворчала:

– Даже лба не перекрестил, ирод. В храм Божийходишь!

Виновато посторонившись, пропуская бабушку, вошёл вовнутрь. Кроме меня в соборе никого не было, и я, не спеша, прошёл к алтарю, рассматривая по пути лики святых на фресках и иконах. Мне хотелось хоть какого-нибудь знака или ощущения, будто я привлёк чье-то внимание, но святые молчали, строго глядя на меня со стен, не выказывая ни осуждения, ни одобрения, будто я был им совершенно не интересен. И тогда я остановился и, подняв глаза к своду, начал тихо го-ворить:

– Господи, взгляни на меня. Не знаю, как правильно к Тебе обращаться, поэтому буду говорить как могу. Я много грешил и мало молился, поэтому и вырос, наверное, таким раздолбаем, позволившим себе шутить именем предков, многие поколения которых поливали эту землю потом и кровью, строя и защищая свою страну и свой народ. И не мне судить их, ничего путного за все свои тридцать три года не сделавшему, а только Тебе. Вижу свою вину и благодарен Тебе, что у меня есть возможность её искупить. Но как же мои современники? Конечно, мы не самое лучшее поколение, живём, проматывая отцовское наследие. Неужто мой мир недостойн даже страшного суда и Ты его просто отменил, вернув время вспять? Нет, я в это не верю,

ведь каждый человек наделен бессмертной душой и её нельзя просто взять и отменить, будто её и не было, есть всего два пути и они известны. Конца своего мира я не помню, исчезнуть просто так он не мог, значит, получается, этот мир параллельный и его будущее для меня сокрыто? Конечно, могу предполагать возможное развитие событий, глядя на миры, в которых побывал, но будущее не определено и, значит, мне оставлена свобода совершать. А раз мне дано знание, то и спрос с меня будет соответствующий.

– Я замолк и стоял, ощущая небывалое спокойствие и уверенность в своей правоте.

– Благодарю тебя, Господи, что принёс покой в мою душу и направил мои мысли. И ещё кое-что, – достал из чехла меч и встал на колено. – Я не отступлюсь, пока жив, эта земля останется нашей.

Торжественно поцеловав клинок, убрал его на место.

– Об одном прошу, если я не оправдаю твоих надежд, или сгину не успев сделать всего необходимого, не допусти того, что я видел во предыдущем мире.

Ох и тяжело быть хоть немного откровенным, даже в храме Божьем. Ладно, как сумел, пора уходить. Подобрал свои вещи, обернулся и упёрся во внимательный взгляд.

– Доброе ли дело задумал, сын мой? Прости, я наблюдал за тобой и видел, как ты клялся на мече. В этом храме такого несколько столетий не было. Не хочешь исповедаться?

Передо мной стоял дед из того, проклятого немецкого мира или его близнец. Если бы не ряса, я бы точно начал себя щипать, а так просто стоял, разинув рот, и тупо пялился на священника.

– Слышишь ли ты меня, сын мой?

– Слышу, отче, не клялся я, ибо сказано не клясться, а говорить да-да, нет-нет. Или как там у вас? Дело у меня доброе, правое и абсолютно необходимое, но очень трудное, от того и пришёл за помощью и благословением, да кто ж мне его даст без исповеди. А исповедаться хотел бы, да не могу, слишком много весит сейчас моё слово и за каждое я в ответе, боюсь навредить.

– Воля твоя, когда будешь готов, приходи, не так уж много сейчас людей без страха в храм заходят. Да и позакрывали храмы коммунисты проклятые, всего четыре на всю Вологду и осталось, видно настают последние времена.

– Уныние грех, отче, все образуется. А скажи мне, сын у тебя есть?

– Есть, но не напоминай о нем, подался в большевики поперек отцова слова, Бога отринул.

– Не сердись на него, хороший он человек, правильный, точно говорю. Скоро сын у него родится, на деда будет похож. Прощай.

– И оставив священника в полной растерянности, подобной той, в которой находился я сам минуту назад, быстро вышел из собора.

Эпизод 4

Вот это да! Мне казалось, что в соборе я провёл не более десяти минут, а на самом деле был там почти два часа! И организм уже стал настырно напоминать, что, укрепив дух, неплохо было бы позаботиться и о теле. Кроме того, надо ещё и в дорогу что-то с собой прикупить, а на рынок я больше не ходок. Пришлось зайти в заведение с вывеской «Ресторан», что, на мой взгляд, было большой натяжкой, но хоть покормили от пуза, недешево, правда. Ещё и заказал на троих, а излишки с собой завернул, бутылку водки не забыв.

Официант, уже нацелившийся на остатки обеда с сожалением посмотрел мне вслед, на его лице прямо заглавными буквами читалось: «Деревеньщина». Вот молодец, на правильную мысль натолкнул, поищу-ка я парикмахерскую. Или как она в этом времени называется?

Ха! Видели бы вы лицо мастера опасной бритвы, когда я спросил у него про женщин в штате! Так оскорбить человека в лучших чувствах! И не будешь же объяснять, что парикмахер неженского пола у меня ассоциируется исключительно с личностью «звезда в шоке». Но! Видимо, тут ещё оставались пережитки демократии и свободного рынка, где желание клиента – закон, и меня шустро подстригла молоденькая девчушка, видно дочка мастера. Одного взгляда в зеркало мне хватило, чтобы все стереотипы прошлой жизни рассыпались прахом, и допускать это милое создание с опасной бритвой к моему лицу я наотрез отказался. Парикмахер, довольный собой, незлобно надо мной подшучивая, быстро и радикально убрал женские огрехи, заодно и сбрил бороду с усами подчистую. В итоге я покинул заведение наодеколоненный и стриженный под Котовского. Что ж, скупой платит дважды, да и результат не так уж и плох, вспомню армейскую молодость.

За всеми этими хлопотами время пролетело незаметно, и вот, ровно в девятнадцать ноль-ноль я уже первым стою у окошка кассы и беру билет до Москвы. К моему великому сожалению, а также благодаря моей глупости, выкупить купе не получилось, задал кассиру прямой вопрос, вместо того чтобы купить билеты молчком. Ответ меня обескуражил своей железобетонной непробиваемостью

– Не положено!

Что ж делать, придётся ехать с соседями и трястись всю дорогу, как бы меня не раскусили. Да где наша не пропадала! С другой стороны, может, чего полезного для себя узнаю, в это мире я ещё ни с кем достаточно долго не общался, а тут деваться некуда.

– И вот наконец паровоз, пыхтя паром, вытягивает состав из вечерней тьмы к платформе. Проверка билетов и посадка пассажиров много времени не заняли, наконец добрался до купе. С замиранием сердца постучался, какие-то соседи мне достанутся?

– Можно, – откликнулся женский голос. – Только этого ещё не хватало после недельных прогулок по лесам без бани! Но деваться некуда, надо входить.

– Здравствуйте, меня зовут Семен Петрович, буду вашим попутчиком до Москвы, – замаялся я на входе.

– И вам не хворать! Да проходите же, окно открыто, сквозняк. Зовите меня Александрой Васильевной. А лучше – товарищ Артюхина.

Я невольно улыбнулся.

– Ну вот и славно. Как сказал Гагарин – поехали!

Глава 4

Поезд Архангельск – Москва

Эпизод 1

Вот так попутчица мне досталась! Нет, внешне – ничего особенного, обычная женщина средних лет, весьма приятная на вид. Первое впечатление портили только сосредоточенное, кажущееся сердитым выражение лица и серьёзный взгляд серо-голубых глаз, которыми она вдумчиво изучала машинописный текст на отдельных листах и в подшивках, извлекая их из одной папки и, часто ставя пометки, зачёркивая и исправляя, складывала в другую. За этим занятием она здорово напоминала мою учительницу начальных классов из, уже далёкого, счастливого детства. Сходство было таким, что я, невольно улыбаясь, уплыл в воспоминания о том, как строгая тётя постоянно отчитывала хулиганистого сорванца, точно так же внушительно делая паузу и поджимая губы после каждой сказанной фразы, глядя сверху вниз строгим взглядом. А я, смотря снизу вверх, ни в чем не признавался, если уж вина была совсем очевидной, просто молчал, как партизан на допросе, стараясь упрямо не опускать глаз. Ох, было времечко! Или, теперь правильно говорить «будет?». Учительница-то моя ещё даже не родилась. Да, наверное, «будет», если очень постараюсь, только вот уже не для меня.

Не для меня придёт весна,

Не для меня Дон разольётся.

И сердце девичье зайдётся

В восторгах чувств не для меня.

Песня, возникшая на задворках сознания, как нельзя некстати наложилась на ставшие грустными мысли, и я, задумавшись, стал тихонько напевать вслух, копаясь в рюкзаке. Пока не поднял лицо и не наткнулся на жёсткий вопрос:

– Казак?

– Нет. – Я растерялся – А, так вы о песне? Хорошая она, больно мне нравится.

– Песня казачья, они враги советской власти, стало быть, вражеская она.

– А вы за советскую власть значит? А если казаки Интернационал станут петь, он что, тоже вражеской песней станет?

Тут уже опешила моя собеседница.

– Как казаки Интернационал станут петь? Не будет такого никогда!

– Да ладно! Уже есть! Буденный ведь казак?

– Не смейте трепать имя товарища Буденного! Он – красноармеец!

– А червонное казачество как же?

Ну вижу, нечем крыть, сейчас тему сменит.

– А вы сами на какой платформе стоите?

– Я, слава богу, на поезд успел и теперь сижу, а вскорости и лечь собираюсь.

– Не прикидывайтесь, вы прекрасно поняли, что я о политической платформе спрашиваю.

– А... Вот вы о чем. Так я из партии политических пофигистов.

– Как это?! – Ага, снова удалось тебя, дорогая, озадачить.

– А вот так, все равно мне, коммунизм ли, капитализм ли, лишь бы людям было хорошо и подонков поменьше, внешних и внутренних, чтоб жить не мешали.

– Политической близорукостью, стало быть, страдаете. Взрослый человек, а как будто не помните, как при капитализме жилось рабочему классу. Только коммунизм может обеспечить трудящимся достойные условия жизни. А всё потому как раз, что мы избавились от паразитов-капиталистов и взяли власть в свои руки. А вы: «все равно».

– — Да какая разница, каких паразитов кормить, капиталистических или коммунистических? А придётся любом случае, – я завёлся не на шутку. – Лишь бы они жрали поменьше.

– Это каких таких коммунистических паразитов? Да любой член ВКП (б) готов костями лечь за дело рабочего класса! Это нашими усилиями совершилась революция, освободившая народ от гнёта помещиков и буржуазии! Как вы смеете так о большевиках говорить?! Да вас в ГПУ надо сдать, как подрывной элемент!

Опаньки! Язык мой – враг мой. И что теперь с ней делать? Прибить, если заорёт? Пожалуй, придётся, но сначала попробуем как-то успокоить.

– А вы член партии? Простите, не знал и не хотел обидеть...

– Я не просто член партии! – перебила меня разъяренная женщина. – Я член ЦК партии! И трепать коммунистов я вам не дам! Не на ту напал! А за контр революционную пропаганду ответишь...

Последнее её восклицание так и не состоялось, затухнув после того, как взгляд упал на живодёрских размеров нож, который я достал из-под стола.

– Будешь орать – прирежу к чертям собачьим, – мой голос прозвучал тихо, но веско. – Давай лучше поговорим без истерик и крайностей. Честное слово, все совсем не так, как вам кажется.

– В последней фразе я перешёл обратно на «вы», и это несколько разрядило обстановку.

– Говори, – Александра Васильевна, видно, тоже решила не обострять. – Но учти, от меня ты ничего не добьёшься, и распропагандировать тебе меня не удастся. Я твёрдо убеждена в верности коммунистической идеи.

– Не очень-то и хотелось! Просто мне бы, всего лишь, убедить вас в том, что я вашему ненаглядному коммунизму не враг, и тем самым исключить моё общение с органами госбезопасности в негативном ключе.

– Раз чекистов боишься, значит – враг. Что бы ты не говорил.

Вот стерва! Кто о чем, а коза о капусте! Я глубоко вздохнул и начал заново:

– Давайте условимся о некоторых вещах, которые послужат достижению взаимопонимания. Первое – вы не делаете поспешных выводов. Второе – вы слушаете меня до конца и не перебиваете. Все вопросы потом. Третье – перестаньте, наконец, мне тыкать, на брудершафт мы ещё не пили. Впрочем, ещё и не вечер.

– Выбора у меня, я вижу, нет? – собеседница даже слегка улыбнулась, хороший признак. – Так что, валяй... те, говорите.

– Выбор есть всегда, и сейчас вы сделали верный. Но к делу. Уважаемая Александра Васильевна, человечество к настоящему моменту достигло таких высот своего могущества, что уже отдельные группировки способны бороться, ни много ни мало, за власть над всем миром. Эта борьба началась уже давно, и мировая война – только явное её проявление, точно так же как и революция вкупе с гражданской войной. Борьба идёт каждый миг и на всех направлениях в виде войн, экономической конкуренции, пропаганды. И даже здесь, в этом купе. Чем же характеризуется эта борьба? А тем, что противники чётко не определены, нет понимания того, кто твой друг, а кто враг. Очень часто получается так, что люди «одного цвета» воюют друг с другом, объединяясь со своими злейшими врагами в один союз. Поэтому первое, что надо сделать – это обозначить стороны этого конфликта и определиться, на какой стороне встать.

Я вижу всего двух противников. И это не какие-то страны или идеологии. Это два принципа. Первый – это принцип созидания. Это сторона творцов, которые живут только своим умом и своим трудом, постоянно развиваясь и стремясь к Богу. Ибо сказано «по образу и подобию», а Бог – творец. Надо соответствовать. Даже неосознанно.

Второй принцип – это принцип присвоения. Это сторона паразитов, которые стремятся завладеть плодами трудов творцов или иными ресурсами, не трудясь и соответственно не развиваясь. Так можно жить, пока ресурсов хватает, но человечество постоянно растёт и рано или поздно ресурсы истощаются.

Творцы в этом случае делают шаг вперёд и находят новые источники существования, паразиты же делят то, что ещё осталось, пока не опустятся до неандертальского каннибализма и совсем не одичают, став частью фауны. Так что путь паразитов – это путь к Зверю.

Вот такая вот религиозная диалектика.

В чем же причина конфликта созидателей и паразитов? Казалось бы, созидатели, хотя бы из милосердия, могут кормить паразитов. Они для тружеников всего лишь ещё один неблагоприятный фактор, воздействие которого следует преодолевать и двигаться дальше. Но проблема в том, что паразиты с виду ничем от созидателей не отличаются, рога у них не растут. А своим образом жизни они тружеников развращают. Зачем работать в поте лица, когда можно украсть и жить припеваючи, пока все не прожрёшь, а потом снова украсть? Вот и получается, что в обществе, которое не борется с паразитами, тружеников все меньше и меньше – и они уже не могут прокормить толпу нахлебников. Такое общество умирает. И человечество в целом таким обществом как раз является. И борьба идёт не на жизнь, а на смерть. Победит принцип созидания – выживем, наоборот – погибнем.

Чтобы проиллюстрировать сказанное, разберём историю России. Сильно углубляться не будем, начнём с Ивана Грозного, этого достаточно. Как выглядело русское общество? Был народ-созидатель, он растил хлеб, ковал железо, то есть создавал материальные блага. Во главе народа стоял царь-отец, который отнюдь не был эксплуататором, его функции совершенно другие. А именно – держать в узде слуг-бояр, строго следить, чтобы они не отнимали у народа сверх необходимого. Бояре же тогда тоже не были эксплуататорами, они считались, как я уже сказал, слугами, которые воюют и выполняют административные функции, народ же их за это

кормит. То есть в царстве Ивана Грозного паразитического элемента было очень мало, все были при деле – народ пашет, бояре воюют, царь следит за порядком. И успехи России в этот период очевидны.

Что же произошло дальше? А дальше царя вместе со всей семьёй отравили, и слуги-бояре устроили драку-усобицу за царский трон, в конце концов, там угнездился Романов. Но беда в том, что он царём по роду не был и отчёта в царских функциях себе не давал, а значит, и детей-наследников своих не научил. Вот так на отцовском месте уселся слуга. Какие это имело последствия? Боярин-царь давал боярам-дворянам все большие привилегии, обязанности же их сокращались. Народ, наоборот, угнетался все больше. Из-за дисфункции центральной власти, обеспечивавшей оптимальный баланс в обществе, получился перекосяк в сторону дворян, и они постепенно стали превращаться в паразитов, жрущих, но ничего не дающих стране. Петр Первый на какое-то время заставил дворян служить, угнетение же народа только усилилось.

– И потом только становилось все хуже и хуже. Паразитов стало так много, что народ уже не мог их прокормить. Это закономерно привело к революции. Так что экономическое отставание России от ведущих стран мира вовсе не из-за монгольского ига, бывшего шестьсот лет назад, а из-за того, что приходилось кормить прорву паразитов совсем недавно.

Теперь посмотрим внимательно на революцию и революционеров. Изначально была небольшая группа, которая стремилась скинуть иго паразитов и создать общество творцов. Но революция совершалась под лозунгами «фабрики и заводы – рабочим», «землю – крестьянам». А для того чтобы это сделать, фабрики, заводы и землю надо ОТНЯТЬ у буржуазии и помещиков. Это привлекло в партию множество элементов, которые стремятся отнимать, а не созидать, то есть паразитов. Яркий пример тому – Троцкий. Его, конечно, обезвредили, но подобных ему, в партии ещё, очень много.

То есть паразиты, мы убедились, среди коммунистов водятся, а они ничуть не лучше прежних помещиков и капиталистов. А есть ли среди капиталистов созидатели? Посмотрим на Форда и можем уверенно утверждать – есть. Так что не в коммунизме и капитализме дело, а в людях. Поэтому я и сказал: «чтоб подонков поменьше было», а остальное – вторично.

Что же касается государственного и социального устройства, то, очевидно, советская власть ограничивает паразитов в наибольшей степени, поэтому да – на данный момент это самая лучшая структура общества. Альтернативы я пока не вижу.

Советская плановая экономика на данный момент наиболее эффективна в наших условиях. Но только на данный момент, в дальнейшем, очевидно, придётся её сделать много гибче.

Ну и, наконец, товарищ Сталин провозгласил курс на строительство социализма в отдельно взятой стране. То есть фактически во главе страны стоит созидатель, и страна уверенно идёт по традиционному для России пути с опорой на собственные силы. Ведь наша с вами Родина никогда никого не грабила и все, что у нас есть, – создано потом и кровью многих поколений наших предков.

Подведём итог. Я полностью поддерживаю товарища Сталина и советскую власть, но не поддерживаю коммунистическую партию как целое, так как нет уверенности в её монолитности и с каждым отдельным членом партии надо разбираться отдельно. Однако и против

партии как целого не выступаю по той же причине. Для меня факт чьего-то членства в ВКП (б) ровным счётом ничего не значит. Как вам такая моя жизненная позиция?

– Ну и тараканы у вас в голове, товарищ Семен! – сказала, глядя на меня даже, возможно, с жалостью Александра Васильевна. – И сами запутались, и меня запутали. Вы можете просто ответить, вы за коммунизм или за капитализм?

Епишкин козырёк! Подруга чёрно-белая! А может, так и надо, не заморачиваться глобальными проблемами? Кого и в чем я убедить пытаюсь? И, главное, зачем? Похоже, после моего выступления она меня явным врагом уже не считает, что мне и требовалось. Пора всю эту политику закруглять, а то один долетался, а я, ну понятно.

– Раз вы так вопрос ставите, то за коммунизм. Из этой мечты, при вдумчивом и творческом подходе, может получиться что-то пригодное для реальной жизни. У капитализма же в перспективе только каннибализм. И давайте с политикой закончим, устал я от неё. Да и вы, смотрю, тоже.

– Ладно, – подозрительно легко согласилась собеседница. – Тогда расскажите о себе. Кто вы такой? Вот смотрю на вас и никак понять не могу, где вы таких мыслей могли набраться. Вы какого происхождения?

Приехали. Лучше бы уж о политике продолжили. И что теперь? Врать? Не был бы дураком, легенду бы подготовил. Или расколотся теперь о своей истинной, «не от мира сего», сущности? Пожалуй, при таком ходе всего два варианта развития событий – ЧК или дурдом, рано или поздно. И то, и то мне не подходит, значит, придётся врать, прямо на ходу.

А ведь она всё-таки держит камень за пазухой. Иначе с чего бы ей моё происхождение выяснять, ведь я уже в верности коммунизму расписался. Блин, надо было с самого начала под пролетария косить, а то раскудахтался. Но кто ж знал, что учительница яркой коммунисткой окажется? И вообще, пора бы уж перестроить мозги и быть максимально осторожным, это было ясно уже после попытки меня зарезать. Местных я совсем не знаю и не понимаю, они меня – аналогично. Молчание – золото. Но сейчас говорить придётся.

– Человеческого я происхождения, от папы с мамой. Ни к каким бывшим сословиям не отношусь. Одни мы с отцом в лесу жили, он преставился, мне стало скучно, решил я к людям податься. Вот такая вот незамысловатая история.

– Врёшь!

– Опять вы мне тыкаете, Александра Васильевна, нехорошо, договаривались же, – выиграл я пару секунд на подавление паники. – Почему сразу «врешь»?

– А потому, что лесной отшельник такого никогда не придумает и никто ему этого не расскажет. Лесовикам вообще это ни к чему.

– Ну отец не всегда в лесу жил, а ушёл туда от мира, я ещё совсем мальцом был. Он же меня всему и научил. Что тут странного?

– Спрятался от мира, говоришь? Это чего ж он такого натворил, что так от людей скрывался? Даже, если бы он какое преступление совершил, так старый строй рухнул, можно выходить на белый свет. Однако не вышел. Почему? Врёшь ты все!

– А почему сразу он натворил? Может, это люди натворили? Мой отец – человек сильно верующий. Говорил, света мало в людях стало, а скоро и остаткам конец. Вот, чтобы от мрака защититься, от людей и ушёл. Староверы точно так же живут, никого не удивляет.

– Ну допустим. А сам ты зачем тогда сюда заявился, если вокруг все так плохо?

– Вообще-то плохо далеко не всё. Если говорить подробнее, отец, исходя из своих размышлений, предвидел революцию и гражданскую войну ещё в самом начале века. Участвовать в этом не хотел, так как считал, что убивать соотечественников, какие бы они ни были, – большой грех. Потому что они сами толком не понимают, за что друг дружку режут. Ушёл в лес, ещё перед русско-японской войной, мне всего семь лет было. Он и мне тоже вмешиваться запретил, сказал, когда уляжется все, тогда моё время действовать придёт.

– И что, пришло время? Что вы, товарищ Семен делать собираетесь?

– Да время-то давно пришло, только отца я не мог одного на верную смерть оставить. А собираюсь я воевать и победить, перед этим хорошо подготовившись. После победы уж видно будет, куда голову и руки приложить.

– На войну, стало быть, собрался, герой, – Артюхина уже откровенно смеялась. – На какую же?

– А на Вторую мировую, которая лет через десять случится и превзойдёт по своим масштабам все предшествующие войны вместе взятые, включая и Первую мировую.

– Это что, тоже отец предсказал?

– Он самый.

– А как, интересно, готовиться собираешься?

– Будущая война – война моторов. Значит, надо идти на завод, эти самые моторы делать. А когда время придёт, в армию уже военком, не спрашивая согласия, заберёт.

– Чудак человек. И балабол. Столько слов, а всего лишь сказал, что хочет вступить в ряды пролетариата. Мировые войны же ещё Энгельс предсказывал, и мы к ним готовимся. Пусть только буржуи попробуют посягнуть на наше советское государство! Пролетарии всего мира встанут на его защиту и сметут их поганую власть, как у нас в семнадцатом году. Произойдёт мировая революция и войн больше не будет. Учи, в первую очередь, марксистскую теорию, опираясь на которую, будешь агитировать солдат вражеских армий, таких же пролетариев. Именно это и принесёт нам победу, – воодушевлённо продекларировала Александра Васильевна.

– Ты, Шурочка, в этом так уверена, что мне ничего не остаётся, кроме как согласиться. Но на завод все равно пойду, буду постигать теорию, проверяя её на практике, – я не остался в долгу и ответил максимально язвительно. – Как говорится, на Маркса надейся, а сам не плошай. На этом желаю выяснение моей жизненной позиции закончить и, коли я не отношусь к врагам советской власти никаким боком, удалиться покурить.

– Я встал и резво покинул помещение, оставив свою спутницу, опешившую от такой наглости.

Эпизод 2

Я стоял в тамбуре, насквозь продуваемом через все щели, и жадно курил. Это ж надо так влипнуть. Похоже, мой первоначальный план, явиться пред светлы очи вождя и расколоться до пупка, рассыпался как карточный домик. Налицо полное отсутствие взаимопонимания с местными жителями. Заявись я со своими рассуждениями на самый верх – сожрут моментом, И ничего я с этим не сделаю. Придётся рассчитывать только на свои малые силы.

А что я реально могу сделать? В данный момент абсолютно ничего из-за незнания местных условий. Значит, будем осматриваться, поиграем в резидента.

– Да, ничто не выдавало в нем русского разведчика, – тихо сказал я вслух, глядя на зажатую в руке пачку сигарет с аристократическим английским названием.

Пожалуй, случайная мысль устроиться на завод не так уж и случайна. Интуиция всё-таки великая вещь! Ведь что мне сейчас перво-наперво нужно? Правильно, нужно безопасное логово. А там уж, осмотревшись, можно и начинать двигать дела в желательном направлении. Вот так-то, Семен, выходит, шпион ты теперь, вернее, агент влияния советский и в Советском Союзе. Абсурд. Видно, у кого-то там наверху, оригинальное чувство юмора, мол, назвался Штирлицем – пожалуйста на нелегальное положение. А это значит, что надо избавляться от всех компрометирующих меня предметов. Блин, да это ж я совсем голый должен остаться! Да ещё и кожу на предмет наколок проверить! Шутка. Грустная. И жаба душит, ведь всё, что на мне и в рюкзаке, – все абсолютно необходимо. Епрст!!! Рюкзак! Это я здесь курю, а член ЦК, может, сейчас в моем барахле ковыряется!

Выкинув бычок в щель между дверью и ступенькой, я в панике метнулся обратно в купе. С грохотом рванул дверь в сторону и заскочил внутрь. Александра Васильевна, видимо, в моё отсутствие вернулась к чтению и сейчас, уронив от неожиданности бумаги и коротко ойкнув, выхватила наган и попыталась направить на меня. Отработанным приёмом автоматически забрал у испуганной женщины оружие и, оценив глупость своего положения, только и смог сказать.

– Извините.

– Псих!!! – Артюхина, бледная лицом, стала возвращать себе нормальный цвет. – С тобой заикой станешь! Оружие верни!

– Извините ещё раз. Не хотел. Случайно получилось, – виновато бухтел я, протягивая ей револьвер. – Давайте я вам бумаги собрать помогу.

И, не дожидаясь ответа, стал поднимать с пола машинописные листы.

– Ну вот! Теперь у меня все перепуталось! Я половину ещё не прочитала! Теперь разбираться, что к какой статье относится! – удручённо причитала моя спутница.

– А что это у вас?

– Материалы в «Работницу». Вот, взяла с собой некоторые статьи на следующий месяц, думала в дороге поработать, да вы свалились как снег на голову.

– Так вы журналист?

– Я главный редактор!

– Вот те раз! А знаете что? Давайте я вам помогу?

– Надо же! Он ещё и грамотный! И начал с малого, всего-то – статьи в «Работницу» отредактировать!

– Нет уж, это вы сами. Я бумаги только соберу и разложу по статьям. Ваш хлеб отбирать не буду.

– Ну ладно, коль напросились, – уже снисходительно согласилась Александра Васильевна.

Эпизод 3

– В жизни не читал женских журналов, хотя представление, чем женщины интересуются, имею. Но статьи в «Работницу» произвели на меня настолько неизгладимое впечатление, что оно отразилось на лице. Моей спутнице, вероятно, было любопытно наблюдать моё изумле-

ние со стороны. В этом журнале не было ровном счётом ничего, кроме производства. Сплошная индустриализация, никаких иных материалов нет. Но это ещё полбеды. Добро бы женщины занимались тем, что им было бы под силу, но упоминаемые в статьях профессии, вроде бетонщиц, каменщиц и подносиц камня, землекопов и лесорубов, работниц торфоразработок и рудников, вызывали закономерный вопрос. Чем же мужики в это время занимаются? В то время, когда бабы ставят рекорды по погрузке вагонов?

– Удивлены? – Артюхина была довольна произведённым впечатлением. – Вот видите, свободные женщины, завоевавшие себе равноправие, могут трудиться ничуть не хуже мужчин. А то и лучше.

– Удивлён, хотя истолковали вы этот факт неверно. Вот скажите, что, иных занятий, более подходящих для женщин, нет?

– Что это вы имеете в виду? Или вы против равноправия?

– Я не против равноправия, я против уравниловки, когда женщинам дают такое же право на нормы погрузке угля, как и мужчинам. Гарантировать равные права можно, уравнивать нельзя. Мужчины и женщины всё-таки разные, и спрос с них должен быть разный. Вы ведь такой пропагандой всех баб перекалечите! Им ведь детей рожать! Вы об этом подумали?

– Не сомневайтесь, подумали. Вот полюбуйтесь, что медицина пишет: «Слесарное дело не требует особенно значительного мышечного напряжения, не требует поднятия больших тяжестей. Слесарное дело вполне доступно человеку средней физической силы, оно не включает в себе каких-либо особенных вредностей. Женщина без всякого вреда для своего организма может заниматься слесарным делом». Так-то! Эта профессия для женщин очень подходит, мы уделяем ей все большее и большее внимание.

Прикинув женщину в роли работницы автосервиса где-нибудь в начале XXI века, грустно вздохнул.

– А знаете, у меня есть для вас идея.

– И какая же?

– Вам надо пропагандировать те профессии, где женщины могут быть лучше мужчин.

– Это не ново. Что, опять загнать нас на кухню? Или к ткацкому станку?

– И в этом нет ничего зазорного. Но имел я в виду именно машиностроение. Дело в том, что женщины более склонны в большинстве к кропотливой, точной работе. Мужикам для неё порой просто не хватает терпения. Например, это может быть какое-нибудь приборостроение, где детальки малюсенькие и должны быть изготовлены с минимальными допусками. Здесь, уверен, бабы мужикам сто очков вперёд дадут. Поинтересуйтесь как-нибудь, есть ли у нас такие производства и работают ли там женщины. Если их нет, значит, надо создать, ведь без точных приборов и тяжёлое машиностроение хромать будет на все четыре. Вот таким путём женщины могут внести весомый вклад в индустриализацию страны. Вот что надо пропагандировать!

Товарищ Артюхина задумалась, видно было, что предложение её заинтересовало, ведь до сих пор она стремилась вести пропаганду под девизом «не хуже», а тут возможность перейти к «лучше» и выйти со своим журналом на острие индустриализации. Чем больше она об этом размышляла, тем больше идея её захватывала, вызывала приятное желание работать.

– Спасибо, ваша мысль мне нравится, я подумаю над этим вопросом. Больше замечаний нет?

– Да как-то ничего в голову не приходит. Вы уж сами в вашем деле разбирайтесь. А бумаги я все уже собрал и рассортировал.

– Не ошиблись нигде? Уж очень быстро вы справились.

– Просто привычка читать по диагонали, отсеивая несущественное и изучая подробно важное. Ничего важного для меня я не увидел. Увы.

– Ладно, и за это спасибо, не знаю, как и отблагодарить.

– Вообще-то, могу подсказать. Раньше при устройстве на работу, говорят, рекомендательные письма очень помогали. Сейчас такого не практикуется?

– Вы хотите, чтобы я написала вам такое письмо? Не слишком ли? И куда?

– Не совсем так, но хотя бы записку, мол, товарищ Семен сочувствует делу построения коммунизма и может внести существенный вклад в индустриализацию, отнесите к нему внимательно и не гоните с порога. Против правды вы не погрешите и никаких обязательств на себя брать не будете.

– Ладно, уговорили. Фамилия ваша как?

– Любимов.

Артюхина быстро набросала короткую записку и вручила её мне.

– Вот, пожалуйста.

– Спасибо огромное, а теперь пора в люльку, полночи с вами тут уже сидим, до Москвы хотелось бы выспаться.

– Я ещё поработаю. Спокойной ночи!

– И вам того же!

Я забрался на верхнюю полку и растянулся во весь рост. Вещи свои я перед этим забросил ещё выше и не опасался, что любопытная женщина попытается пролезть туда мимо меня. Впереди ждала Москва, столица СССР, абсолютно незнакомый мне город другого времени и другого мира. Несмотря на то, что всю жизнь я считал себя коренным москвичом. Хотя, если брать границы города на 1929 год, то получаюсь я, как говорили в моем времени, «заМКАДным». А не рвануть ли мне в бывший, или будущий, свой район? Там и ЗИЛ рядом.

— — Глава 5

Москва. ГАЗ №1. Нагатино

Эпизод 1

– Утро тринадцатого октября встретило прибывающий на Ярославский вокзал поезд стильным осенним дождём и всеобщей серостью, на фоне которой выделялись мокрыми чёрными пятнами деревянные дома или бараки, построенные по обеим сторонам от железки. Настроение моё вполне соответствовало унылой картине за окном, и я, хмуро ответив на приветствие Артюхиной избитой фразой «утро добрым не бывает», отправился умываться. Дополнительным поводом для расстройств чувств оказалось отсутствие бритвы, которую я даже не подумал купить в Вологде, и теперь, глядя в зеркало на наглядную иллюстрацию своей непредусмотрительности, костерил себя на чем свет стоит. Пробившаяся на голову и лице щетина вызывала меня самого только одну ассоциацию – уголовник. А ведь сегодня очень важный для меня день, мне предстоит устроиться на работу! Мысленно представив себе ситуацию с поправкой на XXI век чуть было не заржал в голос, что хорошего настроения мне не прибавило, зато появилась злость.

Лишь только экипаж нашего купе успел наскоро перекусить, чем бог послал, паровоз, шипя паром, уже подтянул состав к перрону. Собрать мне было нечего, и я, попрощавшись за руку с товарищем Артюхиной, выскочил из вагона и рванул под дождём к зданию вокзала. Народ, спасаясь от сырости, набился туда так плотно, что, казалось, стекла запотели. Пробираясь сквозь толпу, попутно поинтересовался насчёт местного транспорта, так как топать к намеченной цели через половину города при такой погоде мне никак не улыбалось. Конечно, можно было бы взять извозчика, но мне, как инновременному туристу, жутко захотелось прокатиться на старом трамвае, и я направил свои стопы к Садовому кольцу, чтобы, доехав до Таганской площади, пересечь на радиальный маршрут, идущий на юг мимо проходной завода ЗИЛ, или, как меня просветили, сейчас он назывался ГАЗ №1.

За окном вагона, забрызганным мелкими капельками холодного дождя, под грохот колес на стыках, проплывала совсем другая, непривычная Москва двух-трехэтажных домов и мощёных бульжником улиц. Город, к которому ещё предстояло привыкнуть и стать для него своим, раствориться среди тысяч его жителей, скрывшись в общей массе, и только потом быть признанным всеми окружающими, начать путь наверх, к власти, ибо только имея какие-то более-менее существенные ресурсы можно решить поставленную задачу. И дело тут не только в Сталине, для того чтобы предотвратить его убийство на Мавзолее, достаточно единственного снайпера, и я исподволь уже продумывал такой вариант. Но у меня даже в этом случае не будет гарантии, что история этого мира получится минимум «не хуже» известной мне, требуется исключить негативное развитие событий в любом случае, давая максимальное количество причин катастрофы в зародыше. Размышляя таким образом, наконец услышал «проходная автозавода» и выскочил на улицу. Постоял пару секунд перед дверьми, глянул в серое небо и, взявшись за ручку, сделал решительный шаг в будущее.

Эпизод 2

– Так значит, ты и слесарь, и токарь, и сварщик? – в очередной раз переспросил меня седой усатый дядька, которого вызвала работница отдела кадров, сделав телефонный звонок. Эта добрая женщина, автоматом оформлявшая чернорабочими всех пришедших к ней из длинной очереди, очень удивилась, когда услышала мои возражения, видимо, со специалистами здесь туго и с улицы они не приходят.

– Зачем десять раз переспрашивать? – я следовал правилу XXI века – хвали себя больше, авось возьмут. – Давайте лучше покажу на деле, руки у меня лучше языка заточены.

– Ну что ж, пойдём, посмотрим, что ты умеешь, – дядька повёл меня за собой по территории завода.

– А куда мы идём? – я интересовался не из праздного любопытства, а просто пытался запомнить дорогу, чтобы в случае чего выбраться с заводской территории.

– Да не бойсь, здесь недалеко. В опытный цех. Часть основных цехов сейчас на реконструкции, там конвейер монтируют и оборудование перемещают, остальные тоже заняты текущей работой, там не до тебя.

Долго ли, коротко ли, но подвёл меня дядька к токарному станку, живо напомнившему мне школьные уроки труда, вручил чертёж, заготовку и сказал только одно слово:

– Действуй.

Да где наша не пропадала? Почти везде. И я, задав пару уточняющих вопросов по порядку обработки детали и допускам, в основном для того, чтобы справиться с волнением, всё-таки «давно не брал я в руки пашки», взялся за дело. Мне предстояло обточить чугунную заготовку поршня и прорезать канавки для поршневых колец, работа не слишком заковыристая, но требующая точности. Все время, пока я этим занимался, мастер заглядывал через правое плечо, внимательно следя за моими манипуляциями.

– Ну что ж, не искусник, но подходяще, – сказал он, когда дело было сделано, внимательно осмотрев и промерив деталь – по крайней мере, как со станком управляться, знаешь.

– Так что, на работу берете, или как? – тут же поинтересовался я.

– Погодь, пойдём, сварку опробуем, – притормозил меня дядька. – В наших машинах она не применяется, но аппарат имеем.

Варить мне пришлось два отрезка труб на полдюйма, один из самых сложных видов работ для меня, но, к счастью, именно здесь у меня рука была набита. Давно, правда, этим не занимался, но мастерство и опыт не пропьёшь, да и руки точности и твёрдости не потеряли, благодаря постоянным тренировкам с оружием на моей прошлой работе. Осмотрев остывший шов, мастер изрядно повеселел и тут же озадачил меня подсоединить сваренную трубу к проходящей по стене воздушной магистрали. После того, как я открыл боковой кран, заглушенный обрубком, к великому моему облегчению, не отозвался предательским шипением. Хотя услышать его среди заводского шума было трудно, а мастер чуть что не облизал шов, слюнявя его и пытаясь обнаружить утечку.

Наконец, удостоверившись в надёжности соединения, дядька протянул мне руку:

– Теперь будем знакомы, Яков Михалыч Евдокимов, мастер опытного цеха, можно просто Михалыч.

– Семен Петрович Любимов, – представился я. – Так берёте меня или нет?

– Возьмём, конечно, токарь ты так себе, но и они на дороге не валяются, а вот сварщик нам нужен. Видал, в цеху как народу мало? Вот! Большая часть специалистов сейчас на реконструкции завода, там-то ты и пригодишься. А то все воздушные трубы, да и водопровод, замаешься свинчивать, муфты сами отливаем-точим, а здесь – раз и сварил. Ты нам сразу десяток человек высвободишь, может, в план уложимся. Да и вообще, что подварить, всегда найдётся. Сейчас для порядка к начальнику цеха заглянем, а от него в отдел кадров оформляться. Ты где, кстати, живёшь?

– Да я только сегодня с поезда и первым делом к вам. Общежитие какое-нибудь при заводе есть?

– Э, брат! С жильём сейчас совсем туго, вся Москва приезжими забита. Наши заводские бараки в Кожухово, там можно поселиться, но на казарменном положении. В деревнях на том берегу реки ещё можно поискать чего-нибудь, от завода, правда, далеко, но до ледостава туда катер ходит с кожуховской пристани. Знаешь что? Давай мы тебя оформим в «красную» группу, завтра у них выходной, как раз устроишься. А пятнадцатого, к третьему гудку, чтоб как штык в цеху был!

– Идёт!

Начальник цеха меня не впечатлил, впрочем, как и я его. Дело в том, что он оказался правозащитником, и его гораздо больше интересовало моё происхождение и идейное соответствие линии партии, чем мои способности как работника. Судя по всему, текущая работа целиком и полностью лежала на плечах Евдокимова. Вдоволь наслушавшись лозунгов и наставлений, кое-как эту беседу я вытянул, повторив в сильно урезанном виде свою легенду о лесовике-отшельнике.

Начальник цеха не стал углубляться в вопрос и только поздравил меня с переходом из единоличников в пролетарии. Гораздо больших усилий потребовал от меня отдел кадров, где пришлось, коли я сказался грамотным, писать анкету самому. Перьевой ручкой. После нескольких испорченных бланков всё-таки справился, благо анкета была коротенькая, видимо рассчитанная как раз на таких «талантов», как я. Тут же мне оформили пропуск на завод, с печатью, но без фотографии. Да здесь просто раздолье для шпионов!

Закончив дела в кадрах и пообедав за компанию с Михалычем прямо в цеху, потому что столовой на заводе пока не было и еду разносили прямо по рабочим местам в бачках, вышел из проходной под противный осенний дождь и двинул направо в сторону Кожухово. Останавливаться там я не собирался, лишние соседи мне совершенно ни к чему, с моим-то барахлом. Затратив с полчаса, добрался до пристани, никаких удобств для ожидающих катера пассажиров на ней и в помине не было, впрочем, и самих пассажиров было немного, а кораблик был уже на подходе.

Наконец предок речных трамвайчиков подвалил к пристани и выбросил сходни, по которым начал суетливо спускаться народ. Пропустив сходящих, я, в числе немногих пассажиров в обратную сторону, поднялся на борт. Никакого салона на этом катере и в помине не было, а был только лёгкий навес, защищающий от дождя, но не от сырого ветра. Хоть и на том спасибо. Теперь впереди ждала меня моя малая родина, помолодевшая на девяносто с гаком лет. Что ж, если мне удастся там обосноваться, то походить этим маршрутом мне предстоит ещё ой как много!

Эпизод 3

Весь рейс от кожуховской до нагатинской пристани занял около двадцати минут, которые я простоял, глядя в свинцово-серую осеннюю воду, в полной прострации. Видимо, произошедшие за последние дни события перегрузили мозг, и я просто спал с открытыми глазами.

Осознал свою ошибку только тогда, когда пассажиры, шустро сбежав по сходням, двинули по своим делам. И что мне стоило завести с кем-нибудь знакомство и разведать обстановку? Теперь придётся ходить по домам, напрашиваться.

Перейдя пойму Москвы-реки и переправившись через заболоченную старицу по хлипкому мостику, я вошёл в Нагатино и двинулся вдоль улицы, высматривая подходящий мне дом. Рассчитывал я на то, что местные крестьяне занимались в основном огородничеством, нанимая на летний сезон работников из более отдалённых от Москвы мест. Сейчас, в середине октября, эти находники уже должны были освободить жизненное пространство, а местные к постояльцам привычны, да и деньги за постой нелишние. Дом я выбирал не слишком богатый, чтобы не платить слишком много, но и не бедный, с единственной комнатой в избе. Наконец, присмотрел подходящий и открыв незапертую калитку в глухом заборе, под аккомпанемент собачьего лая, подошёл к крыльцу и громко крикнул.

– Хозяева! Есть кто-нибудь?

На зов, сперва приоткрыв дверь и осторожно выглянув, вышла дородная женщина и ворчливо спросила:

– Тебе чего?

– Доброго вам дня! Вам постояльцы, за плату малую, разумеется, не нужны ли? Мне бы комнатку какую на зиму, а за мной не заржавеет.

Хозяйка вся покраснела и замялась, плотно сжав губы, но потом не сдержалась и приснула заразительным смехом. Я совершенно не понимал его причины, но, глядя на неё, тоже начал по-дурацки подсмеиваться. Баба между тем, поминая на разные лады комнатку и малую плату, продолжала заливаться. Наконец отсмеявшись, она спросила.

– Ты откуда такой взялся?

– Рабочий я с автозавода. Чего смешного?

– Смешного? А тебе твои на заводе не сказали, что они здесь так набились, что яблоку негде упасть? У меня уже живут шестеро, по остальным избам то же самое! Если хочешь – есть угол в дровяном сарае, двое там уже поселились. Печку-буржуйку поставите, авось зимой не замёрзнете, – и она тут заломила цену чуть ли не в половину оклада, обещанного мне Евдокимовым.

Осознав причину её веселья, я загрустил и задумчиво пробормотал.

– Нет, сарай с компанией мне не подходит, люблю покой и одиночество. У соседей, может, что посоветуете?

Ответом мне был очередной взрыв смеха, который я на сей раз сумел не поддержать.

– А знаешь, есть для тебя комнатка! Вот по проулку дойдёшь до болота, там дом на склоне, хозяйку Полиной зовут. Попробуй с ней поговорить. Хотя все равно через пару дней ко мне в сарай придёшь.

– Это почему ещё?

– Почему, почему... Ведьма она! Кто у неё не селится, через пару дней, самое большее, сбегает. А ведь предупреждают их, как и тебя! Один был, я большевик говорил, суеверия отметаю. Сбежал прямо среди ночи в одном исподнем!

– Это мы ещё посмотрим, кто сбежит, а кто нет. В любом случае попробовать стоит. Спасибо за совет.

– Не за что. Как из калитки выйдешь, направо и по проулку вниз.

Я вновь я пошлёпал по покрытому лужами проулку вдоль глухих заборов в сторону поймы на север, имея хорошим ориентиром жёлтую шестиэтажку за спиной. В моё время

этот дом был самым старым в Нагатино, а сейчас это новостройка, только-только законченная. Дойдя до спуска к болоту, уже за линией других домов, прямо на склоне увидел маленький домишко, самого непрезентабельного вида. Постоял, глядя на него через забор, да, похоже, комната там всего одна. Не годится, стоит мне только рюкзак распаковать, так сразу паника поднимется. Придётся ходить по всем домам подряд, искать, а время к вечеру. Максимум, что сегодня могу успеть, если не повезёт, так это ещё в Новинках поискать.

Пока я гонял в голове эти невесёлые мысли, дверь дома открылась и вышла на белый, вернее, в данный момент серый, свет болезненного вида женщина и с усмешкой, поздоровавшись, сказала:

– Ну что встал как истукан? Проходи в дом, не месяц май на дворе, там говорить будем.

Я не нашёлся сразу, что ответить, и только ошарашенно сказал:

– Здрасьте.

После чего, через шаг спотыкаясь, вошёл в дом.

Эпизод 4

– Ты проходи, проходи, соколик. Чего на пороге мнёшься? – приветливо зазывала меня хозяйка. А мне даже разуться было как-то неудобно. Раньше об этом не думал, но ходит ли вообще кто-нибудь здесь в носках? Впрочем, Артюхина в поезде ничего не сказала, будем надеяться, что и здесь сойдёт. Раздевшись в прихожей, отделённой от основного помещения печкой и каким-то ещё кирпичным столбом, и оставшись в водолазке навывпуск, чтобы спрятать кобуру с пистолетом, прошёл через занавеску в комнату. Изнутри дом выглядел гораздо лучше, чем снаружи, чувствовалась хозяйственная женская рука. Чистенько, но бедненько, вся обстановка внутри не обшитых бревенчатых стен ограничивалась высокой кроватью, столом и парой табуреток. Пол и потолок из мощных, широких досок, видимо, никогда не знали краски. На стенах висели несколько одиночных и групповых фотографий в простых деревянных рамках, дополняла картину почерневшая от времени икона в красном углу. В общем, мне понравилось. Эта избушка живо напомнила мне бабушкин деревянный дом тем, что, казалось, была изнутри наполнена какой-то особенной теплотой и уютом. Хотя постелить чего-нибудь на пол не помешало бы.

– Мне тут сказали, тебя Полиной зовут. Так я Семён, будем знакомы.

– Верно, будем. Ко мне, стало быть, шёл, не ошиблась. Зачем?

– Красавица, а хозяин твой где? А то как-то неудобно с моим делом без него разговаривать, – для приличия спросил я.

– В сырой земле хозяин, в Галиции, с шестнадцатого года, так что говори смело, с чем пожаловал. – Ответ меня ничуть не удивил, что-то подобное само на ум просилось, судя по виду хозяйства.

– Не буду ходить вокруг да около. Жилье мне нужно. Только, видно, ошибся я, хотел комнату отдельную, а у тебя она одна.

– Нет беды в том, найдётся и комната. Ты сам-то откуда будешь? Не праздно спрашиваю, хочу знать, сколько с тебя за жильё брать.

– Да, рабочий я с автозавода. Сварщик. Сегодня только, правда, на работу взяли. Но у меня малость денег на первое время есть, не переживай.

– Ну что ж, пойдём посмотрим комнату твою, потом и о цене договоримся. Только туда вход с улицы, вон, калоши одень, чтобы не обуваться.

Мы вышли из дома и обошли его, со стороны болота он оказался полуторазэтажным с низенькой дверцей в полуподвал. Войдя в это помещение, чуть спустившись при этом вниз, я увидел маленькую комнатку, но с печкой, трубу которой я принял за столб наверху. Приблизительно половину высоты стены составлял массивный кирпичный фундамент, сложенный на взгляд на извести. Выше были бревна с единственной небольшой отдушиной, задвигаемой доской, которая заменяла окно. Внутренняя стена была полностью кирпичной, её составляли два печных фундамента с дверцей в перемычке между ними. В пустом помещении из всего внутреннего убранства были только простые деревянные нары на земляном полу.

– Ну как, нравятся хоромы? – спросила Полина как-то грустно и вместе с тем иронично.

– На безрыбье... Впрочем, подходяще, обживусь.

– Тогда червонец с тебя. За месяц.

Приятно удивленный незначительностью цены, которая была ниже в три раза, чем объявленная прошлой хозяйкой, я тут же, не раздумывая, согласился.

– Семен, а ты надолго ль в наши края? – Полина постаралась спросить как бы мимоходом, но я заметил какой-то интерес.

– Думаю, что навсегда, – ответил исходя из опыта в прошлом мире, в котором если я и уезжал куда-то с малой родины, меня все время непреодолимо тянуло обратно, даже если условия жизни на новом месте были много лучше. Впрочем, тогда это зависело только от меня, сейчас же обстоятельства могли оказаться сильнее.

– Полина, как бы нам с тобой насчёт готовки договориться? В смысле, чтобы мне на это дело не отвлекаться, не могла бы ты готовить на двоих? Деньги на еду я сверху накину.

– Накинешь, хорошо. И по дому помогать будешь, – тут же выставила она дополнительное условие.

– Но только по выходным, – уточнил я.

– Договорились.

– На этом, по сути, переговоры и закончились, уточнив мелкие бытовые детали и выяснив, что у хозяйки своя баня, остаток дня посвятил помывке и постирушкам после приключений. Почему так много? Это вам не XXI век, пришлось и воды натаскать, и дров наколоть, баньку истопить. Зато в финале получил наслаждение неземное, сидя в парилке и соскребая с себя пласты наросшей грязи, превращаясь в своих собственных глазах снова в человека. Я бы там до полуночи плескался, но меня выгнала хозяйка, которая, воспользовавшись случаем, тоже решила помыться. На моё замечание, что издревле на Руси мылись вместе, получил решительный отказ и пророчества кар небесных на мою голову, если ещё раз посмею до неё домогаться. Пришлось выметаться.

Закончился день совместным ужином, в котором со стороны Полины участвовала каша на воде, а с моей стороны – мелко порезанные засохшие остатки лосятины и бутылка водки, которую Полина тут же припрятала, едва дав мне выпить стопку по поводу новоселья. Не очень-то и хотелось, просто старался наладить более тесный контакт, однако оказался в этой компании единственным пьющим.

Добравшись до своих нар, на которых занял своё законное место набитый душистым сеном матрац, упал на чистое бельё и провалился в сон с незатейливой мыслью:

– Нормальная баба, а говорили – ведьма, ведьма.

— — — Глава 6

Баба-Яга

Я толкаю паровоз. Огромный и чёрный. Не могу видеть, но точно знаю – на котле у него красная звезда. Паровоз дымит и дышит паром, но сам двигаться совершенно не желает. При этом он полностью занимает гнилой деревянный мостик бесконечной протяжённости, повисший над туманной пропастью. Мне обязательно нужно на другой берег, там конец пути, и паровоз сам по себе мне нужен как рыбе зонтик, но ни перелезть через него, ни подлезть снизу не могу. Приходится толкать, ежесекундно рискуя сорваться вниз. Бесконечно долго, трудно и опасно.

Наконец мне удаётся вырваться из этого кошмара в реальность, и я с трудом сажусь на нарах. Самочувствие полностью соответствует затраченным во сне усилиям. Это ж надо! Вторую ночь подряд! Правда, в первую ночь мне снились более разнообразные кошмары, повторяющие в разных извращённых вариантах мои мысли и события последних дней. И немцам я в плен сдавался с трагическими последствиями для собственного здоровья, и лось меня бодал, и под поездом меня тащило, и в Вологде меня резали, а я ничего поделывать не мог. Но шедевром были, безусловно, Гайдар с Чубайсом, первый постоянно жрал мою провизию и раздувался все больше и больше, так что я боялся, что когда он лопнет, то загадит всю мою комнатнуюшку, второй же ташил из дома все, что не было жёстко закреплено, а то, что было закреплено, отрывал и тоже утаскивал. Я мог только смотреть на это разорение, но помешать был не в силах.

Нечего и говорить, что проснулся я в свой единственный выходной совершенно разбитым и в настроении «утро добрым не бывает», что в последнее время становится привычным. Дополнительно это состояние усугубил представитель народной милиции, заявившийся прямо с самого раннего утра и учинивший формальный допрос «кто, откуда», переросший в допрос с пристрастием, едва он узнал, что прибыл я поездом Архангельск – Москва. Выпытывал, не видел ли я во время поездки подозрительных особ женского пола. Ответ, что путешествовал я в одном купе с членом ЦК ВКП (б), его полностью удовлетворил, и участковый доверительно мне посетовал, что вся московская милиция стоит на ушах по ориентировке на обнаглевшую шпионку, прибывшую этим поездом. А выявил этот факт обходчик, подобравший на путях размокший окурочек женских сигарет «Мальборо» и поклявшийся, что раньше его не было, да и бычок совсем свежий, а за ночь прошёл единственный пассажирский состав. Мне оставалось лишь помянуть про себя везение дураков.

Бороться с хандрой я принялся традиционным для себя методом, а именно ударным трудом. Переколол весь запас дров на зиму, подправил сарай и забор, сколотил себе из обрезков подобие сундука и стола. Вечером, уставший, но довольный собой упал на матрац,

– И на тебе – паровоз! Это притом, что сны в моей жизни – чрезвычайно редкое явление. А уж еженощных кошмаров вообще никогда не было. И ведь всё припомнил во сне, о чем думал, кроме Бабы-Яги и паровоза. Последний, видимо, синтезирует все мои размышления по главному вопросу, а без старухи с костяной ногой мне только легче. Кстати, соседка Полину ведьмой называла, это что ж выходит – мысли материализуются? Подумал вскользь, и на тебе, через неделю живёшь в избушке на курьих ножках.

Посидев маленько и покумекав так и так, решил, что раз кошмары появились именно в этом доме, а хозяйка его, возможно – ведьма, то она во всем и виновата. Надо сходить к ней, разобраться, а то, боюсь, до утра под этим паровозом загнусь. Три часа ночи – самое время делать визиты! Быстро одевшись, вышел на улицу и постучал в дверь.

– Поля! Открывай! Разговор есть.

В избе послышалось сонное бормотание, потом босые ноги прошлёпали по полу, и раздался недовольный голос.

– Ну кто там?

– Это я, Семен! Поговорить надо.

– Иди спать, ночь на дворе.

– Да я бы рад, только твоими стараниями мне такие сны снятся, что лучше сразу повеситься.

– Ерунду говоришь, спать иди и мне не мешай!

Я не на шутку разозлился. Она меня ещё куда-то посылает!

– Послушай, мне не до шуток! И с ерундой бы я к тебе в этот час не припёрся! Не хочешь по-хорошему – подопру дверь и спалю тебя в твоём курятнике к чертовой матери! И буду спать после этого вполне себе спокойно где-нибудь в другом месте! Кошмары мучить не будут.

– Уходи, порчу наведу!

– Не успеешь, – сказал я, подпирая дрыном дверь. – Да и не сможешь. Знаешь, почему ведьм на кострах сжигали? Так я тебе скажу, потому что огонь от всякого колдовства полностью, говорят, очищает. Вот заодно и проверю, правда или нет.

Все это я говорил уже абсолютно равнодушным голосом, собирая оставшиеся после колки дров щепки и складывая их к двери. В избе молчок, ну что ж, чиркнул зажигалкой, и огонёк, перепрыгнув в небольшой костерок, который я сложил поодаль от дома, но так, что изнутри этого не было видно, осветил двор и заиграл оранжево-красными сполохами. Потянуло дымком.

– С ума сошёл?! Туши скорее! Открываю я, открываю!

– Нет, Поля, это я тебя открываю, – сказал и пнул ногой подпорку, освобождая дверь.

Перепуганная хозяйка выскочила из избы и, осмотревшись, обиженно сказала:

– Дурак! И шутки твои дурацкие!

– Ничуть не хуже, чем твои! – парировал я. – Это что, развлечение у тебя такое, постояльцев сна лишать?

Повисла неловкая пауза, Полина продолжала раздражённо дуться, да и ответить ей было нечего. Я присел на корточки возле костерка, достал приобретённую намедни маленькую трубку, набил табаком из распотрошённых сигарет XXI века и прикурил от головешки.

– А хочешь, расскажу, что мне сейчас снилось? – пыхнул дымком и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Паровоз мне снился, Поля. На хлипком мосту над пропастью. И я его толкал на ту сторону. Сумею – все будет хорошо, остановлюсь – не выдержит мост, рухнет вниз паровоз и я вместе с ним. Так вот, паровоз этот – вы все и есть, Россия вся. Не сумею провести его по мосту – всем крышка. А ещё у меня время ограничено, десять лет нам отпущено на все про все. А ты, глупенькая, мне мешать вздумала. Нехорошо.

Пока я все это говорил, женщина внимательно на меня смотрела и задумчиво выдавала в ответ:

– А ведь не врёшь. Или сам в это больше, чем в Бога, веришь.

– Не вру, Поля, не вру. Поэтому на пути у меня лучше не становиться, раздавлю как букашку без сожаления, просто потому, что слишком многое на кону. Пойми меня и не мешай, не надо. Ты уж постарайся, чтобы мне спокойно спалось, ладно?

– Ладно. Но твоё жильё будет вдвое дороже стоить! – согласилась и тут же торопливо добавила хозяйка.

Тут я не удержался и расхохотался в голос от осенившей меня простой мысли.

– Постой, ты что, получается, плату вперёд берёшь, а потом через пару дней постояльцев выживаешь? Да так, что они убегают, про все позабыв? Ну ты и прохиндейка!

– Хозяйства у меня своего нет, земли нет, жить как-то честной вдове надо? Летом к кулакам батрачить нанимаюсь, а сейчас чего? С голоду помереть? – в её голосе переплелись одновременно и злость, и горечь. – чужих в своём доме не терплю, один в нем мужик был и впредь будет!

– Вот что, красавица, когда договаривались, никто тебя за язык не тянул. Так что, условия пересматривать не будем. Плату за месяц вперёд ты получила, придётся меня этот месяц терпеть. Потом уйду, мне с такой мошенницей под одной крышей тоже как-то неуютно. Все! Спокойной ночи.

Я повернулся к собеседнице спиной, в которую полетели и отскочили, осыпавшись осенними листьями под сырым ветром, обрывки восклицаний:

– Да я... Да ты...

Сказать что-то более связное женщина, задыхаясь от злости и возмущения, не смогла или, что более вероятно, не посмела.

Наконец, вытянувшись у себя по горизонтали, я уснул сном младенца, без тревог. Через пару часов меня ждал мой первый рабочий день в этом мире.

— — Глава 7

Ударный и романтический

ВИНТОВОЧНЫЙ ОБЛОМ

Эпизод 1

Первый месяц работы на будущем ЗИЛе пролетел, как будто его вовсе из жизни вычеркнули. Сварщики были просто нарасхват, начальники цехов чуть из-за них не дрались прилюдно, а втихаря сулили сварным все мыслимые и немыслимые блага, если те займутся именно их участком в первую очередь. Так как в суете перестройки производства требовалось как всегда все и сразу, то возможности для манёвра были, чем пролетарии и пользовались. Учитывая, что сварщиков было всего двое, а точнее, я и мой ученик, правоверный комсомолец Петр Семенович Милов, проблема была только в последнем, он первое время ни в какую не хотел соглашаться, когда нормировщики закрывали на него по две, а то и больше, в зависимости от работы, нормы. Положение спасло только то, что был мой ученик изрядным бабником. Да мои уговоры, мол, не нужны тебе деньги – в детдом отдай. Давил на чувствительную струнку, случайно узнав, что мой подопечный был в прошлом беспризорником и детдомовцем. Тоже мне – Деточкин поневоле.

Да и легально мы зарабатывали будь здоров, планов было громадьё, и мы практически ежедневно работали сверхурочно, по две смены подряд. Я при этом вообще домой не уходил, ночуя прямо на заводе, заявляясь в Нагатино только раз в пять дней, попариться в баньке вместо заводского душа да прошвырнуться за необходимыми покупками. Помогать Полине по двору в ноябрьскую слякоть было особо нечего. Мой же напарник бегал ночевать к подругам, живущим поблизости, и в общежитие тоже не навещивался.

В конце месяца к нам, уже осоловевшим от работы, под вечер, подскочил хлопчик и шепнул пару слов Петру. Тот чуть косынку, которую мы пытались присобачить к каркасу ворот цеха, не выронил, переменившись в лице.

- Что случилось, Петя? – с усмешкой спросил я. – Разлюбила?
- Все у тебя, Петрович, бабы на уме! Из комсомола меня хотят исключить!
- Ой ты, епешкин козырек! Натворил чего?

– Натворил! За месяц на недельных собраниях ни разу не был!

– Всего-то? Я уж думал – ты взносы не платишь, скряга, – подковырнул я беззлобно. – Исключить ведь только на собрании могут, так?

– Ну да.

– Когда? В смысле, собрание.

– Завтра вечером уже. Что делать, дядя Семен?

– Нашёлся племянничек! Я тебя на пятнадцать лет только старше! – отбросив шуточный тон. – Вместе пойдём, есть мне, что там сказать.

На следующий день, отложив все сверхурочные работы и приведя себя после смены в порядок, на пару шагали к заводскому клубу, где и проходили комсомольские собрания, а по выходным крутили кино. Выкурив по трубочке на крыльце, – Петя старался подражать наставнику и обзавёлся своей в первый же выходной, к тому же это производило благоприятное впечатление на женщин, – прошли в зал, где было уже полно молодёжи. Меня по пути никто не остановил и не поинтересовался, что ветерану Куликовской битвы нужно. На сцене, как и положено, стол, накрытый красной материей и тёплая компания активистов за этим бруст-вером.

Собрание началось с докладов и обсуждения политики ВКП (б), коллективизация, индустриализация и борьба с троцкизмом. Ничего нового и интересного для меня в этом не было. Индустриализацию я проводил собственными мозолистыми руками. Коллективизацией мне все уши в выходные прожужжала Полина: раскулачивание в Нагатино уже набирало обороты, и её очень интересовал вопрос, вступать в колхоз «Красный огородник» или нет. А в борьбе с троцкизмом я все равно ничего не понимал, и фамилии отлучённых от партии по этому признаку для меня ровным счётом ничего не значили. В общем, начал самым позорным образом засыпать, хорошо, что Петя приглядывал за мной и вовремя пихал локтем. Наконец полуотключенный мозг выделил в нескончаемом потоке слов фамилию Милов, и я, сделав над собой усилие, мобилизовался. Слово держала молодая особа посредственной наружности, но полная внутренней ярости, сидевшая тихо-мирно до того в президиуме. Или как это здесь называется?

И чего она так разоряется? Подумаешь – пропустил шесть собраний подряд. Это разве «систематически»?

– Петя, дорогой, а скажи мне, – спросил я напарника, желая получить подтверждение догадке, – ты её, часом, не того? Ну понимаешь...

– Это она меня чуть не этого! Еле убежал!

– Понятно, нет никого мстительнее отвергнутых женщин, – сказал я задумчиво. – А уж эта! Соплюшка совсем, а уже мегера.

Петра вызвали из зала пред светлы очи всего коллектива – прямо на трибуну, держать ответ. М-да, электрод Милов с грехом пополам держать уже мог, а вот ответить на обвинения ему было нечего.

– Я... Мы... Больше не повторится... – Тьфу ты, тухлый овощ, слушать противно!

– Кто имеет сказать в защиту Милова? – раздалось из президиума, ну прямо – «все татарин, кроме я».

Я поднялся со своего места и, набрав, сколько мог, воздуха, как можно внушительнее изрек:

– Я буду говорить!

– А вы кто, товарищ, будете?

– Пролетарий я, мастер и наставник этого Демосфена недоделанного.

После слова «этого» я значительно сбавил голос, но со сцены все равно указали.

– Попросим непонятными словами не выражаться! Мы не на корабле!

– Хорошо, хорошо. Мне отсюда можно, или к вам забраться?

– Говорите с места, может, ещё защитнички найдутся, – это ввернула та самая дурнушка, убивая на корню желание возможных заступников выделяться.

Что ж, приступим.

– Товарищи комсомольцы! Как вы все знаете, коммунистическая партия, под мудрым руководством товарища Сталина, взяла курс на построение коммунизма в отдельно взятой стране, одобренный большинством голосов на съезде. Как должны воспринимать эту установку настоящие комсомольцы, молодые и энергичные последователи учения Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина? Безусловно, как руководство к действию! Именно так и принял её товарищ Милов, работая по две смены каждый рабочий день! На своём, не побоюсь этого слова, боевом участке, товарищ Милов приближает построение коммунизма ровно в два раза быстрее, чем это запланировано, исходя из возможностей среднего пролетария! Почему так происходит?

Потому что товарищ Милов далеко не средний пролетарий, а я бы сказал, не погрешив против истины, ударник коммунистического труда! Если бы каждый работал так же, коммунизм в СССР был бы построен ровно в два раза быстрее! И даже ещё быстрее, так как за смену товарищ Милов вырабатывает две нормы и более! И выполняет товарищ Милов свою работу так, что ни у кого язык не повернется сказать, что сделано плохо. Наоборот, все начальники цехов нашего завода постоянно выражают комсомольцу Милову благодарность за проделанную им работу. Вполне понятно, что комсомолец Милов, занятый построением коммунизма, не всегда имеет возможность посещать комсомольские собрания. Между двумя возможностями – отработать дополнительную смену или поучаствовать в собрании – он без колебаний выбирает ударный труд. Почему так происходит? Потому, что товарищ Милов предпочитает *быть* комсомольцем, а не только им числиться! Многие ли из вас являются настоящими комсомольцами под этим углом зрения? Если вы проголосуете за исключение товарища Милова из рядов комсомола, он комсомольцем не на словах и бумаге, а на деле быть не перестанет. А вот каждый, кто проголосует за это, навредит товарищу Милову, следовательно – создаст помеху построению коммунизма. Как назвать человека, на словах выступающего за коммунизм, а на деле вставляющего ему палки в колеса? Комсомольцем? Нет, болтовня и вредительство – отличительный признак троцкиста! У меня все.

Едрён батон, хоть и готовил эту речь заранее, вспоминая слышанные ранее в прошлом мире и выбирая подходящие обороты, проговаривал её потихоньку про себя, но такие выступления мне совсем непривычны, во рту будто песку насыпали. Водички бы сейчас попить! Пока я так размышлял, в зале царил гробовая тишина, комсомольцы, скрипя шестерёнками, переваривали полученную информацию и пытались понять, как на неё отреагировать. Первой нашлась дурнушка и начала яростно выкрикивать, прямо сидя в президиуме.

– Да как Милов может линии партии следовать, когда он её и не знает вовсе?! Правильные установки даются именно на комсомольских собраниях, а Милов их не посещает!

Тут, к счастью, Петя тоже не лопухнулся и начал на память цитировать повестки дня и решения пропущенных собраний.

– Да ладно, Петр! Верим тебе, что знаешь. А ты, Машка, просто хочешь ему навредить, раз он на тебя не смотрит. Но тут дело политическое уже получается! – Председатель на секунду задумался и продолжил: – Предлагаю вопрос об исключении комсомольца Милова с повестки дня снять. Кто «за»?

Всегда замечал, что по предложениям руководства, любого, «за» голосуют гораздо охотнее, чем «против». Тут же вообще все было единогласно. «За» проголосовала даже девушка Маша, просто потому, что так она избегала повышенного внимания к личной её заинтересованности в судьбе Петра.

На собрании мне уже делать было нечего, и я потихоньку вышел, рассчитывая за час-полтора дойти по замёрзшей Москве-реке до дома и в кои-то веки переночевать там в будний день.

Эпизод 2

– Ой, Семен! – Полина всплеснула руками, выглянув на улицу на скрип шагов по свежему снегу. – Ты чего пришёл-то?

– Живу я здесь. Али забыла? – ответил я устало. Все тропинки замело, и приходилось идти по снежной целине, что изрядно меня задержало. – И жить буду ещё два дня. А потом уйду, не волнуйся. Михалыч мне уже выбил койку в общежитии как ценному работнику, можно хоть завтра переезжать.

– Сем, да ты в дом проходи, ужин ещё не остыл, поешь.

Хозяйка была как-то подозрительно ласкова, чего я раньше за ней не замечал. Скорее, нормой было то, что мы постоянно цапались. Не говоря ни слова, я прошёл в избу, разделся, умылся и сел за стол. Меню приятно порадовало, особенно в контрасте с заводской кормёжкой. Тут тебе и курица жареная с картошкой, и зелень, и огурчики солёные. Хозяйка без меня явно не голодала.

– А я вот все время на тебя готовлю, как уговаривались, – Полина чуть ли не ластилась. – Думаю, может, придёшь? Сема, может водочки налить?

Последний вопрос меня сразил наповал. С чего бы это такое неслыханное внимание к моей скромной персоне? Эта подруга явно от меня чего-то хочет и лучше уж сразу выяснить, чего именно.

– Говори.

– Сем, ты бы не уходил, а? – Поля сказала это тихим и настолько жалобно-просительным голосом, что я почти поверил, что именно я, сам по себе, ей и нужен.

– Обговорили же все ещё месяц назад. Чего непонятного? Меня твои условия не устраивают, ты меня тоже не устраиваешь. Смысла оставаться нет.

– Сем, а Сем? Да бог с ними, с деньгами. Ты оставайся, ладно?

А вот это уже ни в какие ворота не лезет! Я её целый месяц ушлой мошенницей считал, а ей даже денег не надо! И в чем подвох? Молча посмотрел на хозяйку долгим оценивающим взглядом так, что она покраснела. Да, где та болезненная бледность месячной давности? Полина за последнее время прямо расцвела. Понятное дело, если так каждый день питаться, как я сейчас ужинаю, за месяц можно и узника Бухенвальда откормить. А харчи, стало быть, мои. Занятно.

– Поля, а скажи мне, чем ты этот месяц занималась? Чем зарабатывала?

– Так нет работы никакой, дома сидела. Сейчас и наняться-то ни к кому нельзя, боятся все. Раз работников хоть зачем нанимаешь, значит – кулак. Враз все опишут и вышлют куда Макар телят не гонял. А в колхоз идти, так там трудодни отработывать какие-то надо, а оплата только со следующего урожая.

– Стало быть, если я уйду, тебе и жрать нечего будет? – спросил я ровным голосом, сознательно провоцируя хозяйку, которая всю жизнь как-то прожила одна, без посторонней помощи. И провокация удалась на славу!

– Вот только не думай, что без тебя не проживу! Благодетель нашёлся! Да скатертью дорога! Катись колбасой куда хочешь! – Полина чуть не подпрыгивала, выкрикивая эти слова, а потом неожиданно расплакалась. Я был готов к взрыву эмоций в любой форме, поэтому так же спокойно, как и прежде, продолжил:

– Вот видишь, Поля, плохо мы с тобой ладим, цапаемся постоянно. А знаешь почему? Стерва ты натуральная, иначе не скажешь. Детей у тебя нет, а без детей бабы стервенеют. Все

прошлым живёшь, мужа уж четырнадцать лет как нет, могла бы снова замуж выйти. Ты баба ещё вполне себе ничего.

– Ничего, то есть – ничего особенного?

– Ты прекрасно понимаешь, что я сказал, не придуривайся.

– Да? А почему же ты тогда меня вовсе не замечаешь? Все мужики как мужики – думают раз вдова, то и побаловать можно! А этот только в первую ночь, да и то с какой-то ерундой!

– Хочешь сказать, что ты к моим кошмарам отношения не имеешь?

– Это само собой получается, когда боюсь или злюсь, давно заметила. Просто научилась этим пользоваться.

– А меня стало быть не боишься?

– Нельзя тебя бояться, дом сожжёшь к чертовой матери, приходится в руках себя держать.

– А прежние постояльцы как же? Неужто никто к тебе вопросов не имел из-за баловства твоего?

– Отчего же, ломились ночью, как и ты, только у них совсем другое на уме было, я их не пускала, а боялась и злилась ещё больше. Дольше двух дней ни один не выдерживал.

– Ага, ты, значит, и не злишься на меня вовсе, мне это только кажется? Врать когда научишься?

– Злюсь, и ещё как! Только не по ночам. Сначала трудно было, а потом привыкла, что ли, да и трудно стало злиться на тебя, никакого вреда от тебя нет. Да и заявляешься редко.

Я сидел и задумчиво смотрел на Полину, открывая её для себя заново, будто видел в первый раз. Да, в общем, так оно и было, ведь при обычных наших пикировках на неё лишний раз и глаза поднимать не хотелось, а сейчас, наряду с новыми гранями её внутреннего мира, я подмечал детали, на которые раньше просто не обращал внимания. Вот вижу, у неё сполз с головы неизменный платок и из-под него показались сильные, слегка выющиеся светло-русые волосы. Вот она моргнула, взмахнув своими длинными, прямо-таки лошадиными ресницами, спрятав на короткий миг пронзительно голубые глаза, вот разомкнулись бордовые в свете свечей, маленькие пухлые губы, впустив в высоко поднявшуюся грудь глубокий вдох. И почему я раньше этого не замечал? Мысли заматались, и голова плавно утратила ведущую роль, уступив её месту пониже пояса.

– Поля, иди ко мне, – очень ласково, осторожно, словно боясь спугнуть, и одновременно просительно-повелительно сказал я.

Полина словно застыла в нерешительности, но когда я встал, потянувшись ко мне и прижалась всем телом, спрятав голову у меня на груди. Нежно поцеловав её розовую мочку, погладил по голове, сдвигая платок на спину. Она, отвечая на ласку, подняла лицо, и я почувствовал её тёплое дыхание. Ещё миг, и наши губы сомкнулись, в голове зашумело и закружилось, сердце так забило изнутри в грудную клетку, словно хотело оттуда вырваться, и я полностью потерял над собой контроль.

– Вот дура! – брякнула Поля много времени спустя, бесцеремонно выпихивая меня из кровати и сдёргивая испачканное кровью белье, абсолютно не стесняясь при этом собственной наготы.

- Чего? – Я непонимающе уставился на это представление, с трудом приходя в себя.
- Так получилось, Сёмка, что ты у меня первый. Извини.
- За что? Постой, ты же замужем была!
- Повенчаться успела, как и на своей свадьбе погулять, а остальное – увы. Не хочу рассказывать.
- И что, так и никогда ни разу?!
- Я и говорю – дура.
- Точно.

– Ах, Сёмка! Я так тебя люблю! Всегда-то ты мне правду скажешь, душой кривить не будешь...

– Она счастливо засмеялась и, повиснув на мне, впилась в мои губы.

Вот и пойми поди этих баб!

Эпизод 3

Утро на заводе началось с неприятного сюрприза, заставившего меня изрядно напрячься. Причём я даже не прошёл ещё через проходную, застряв в толпе, скучковавшейся на улице возле стенда со стенгазетой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.